

УРОКИ ПРОШЛОГО

Иван Солоневич

**ВЕЛИКАЯ
ФАЛЬШИВКА ФЕВРАЛЯ**

АРГЕНТИНА

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
О СИМВОЛИКЕ ВООБЩЕ	5
ЧТО ЕСТЬ РЕВОЛЮЦИЯ	9
МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ.....	12
ΑΙΕΙΑ.....	15
ΕΑΑΥΑ Ι ΟΑΑΦΑΕΑ.....	18
ΠΠΙΟΙΑΙΕ ΠΑΦΑΑ.....	20
«ΑΑΟΑΦΑΙΥ».....	22
ΙΑ ΙΑΦΑΕΠΙΑ.....	24
ΑΑΟΙΑΟΙΒ ΙΒΕ ΠΑΦΑΑ.....	27
«ΕΑΙΥ» Α. Ε. ΑΟ×ΕΙΑ.....	28
Α ×ΑΙ, ΝΙΑΝΟΑΑΙΠ, «ΟΑΕΥΘΕΑΕΑ».....	31
ÇΑ×ΑΙ ΥΟΙ ΙΟΕΙΐ?.....	32
ΑΥΑ Ι ΟΑΑΦΑΕΑ.....	32

Общественно-политическая позиция Ивана Лукьяновича Солоневича сформировалась задолго до трагического в истории России семнадцатого года. Даже среди сотрудников консервативного суворинского «Нового времени» он слыл крайне правым. И вместе с тем ни один из его материалов не был опровергнут ни в леворадикальной прессе, ни в лагере либералов. Копья ломались вокруг да около, ибо мастерски подобранные и точно выверенные факты лишали его оппонентов каких-либо убедительных аргументов. Все сводилось к «реакционной» позиции «Нового времени» « к журналистской изворотливости автора, у которого острие пера было направлено, как ни странно, не против социалистических экстремистов, а по адресу «свободомыслящей» интеллигенции, своим прекраснотушным прожектерством бездумно расшатывавшей устои тысячелетнего государства.

Оказавшись в эмиграции, Иван Солоневич имел полную возможность убедиться в верности своих старорежимных прогнозов и по отношению к социальному переустройству России, и по поводу вольных и невольных исполнителей этой трагедии, либо вышвырнутых за пределы горячо любимой ими родины, либо нещадно уничтоженных большевиками. Ведь одна и та же участь постигла как разномастных борцов за народное дело — от октябристов и кадетов до эсеров и анархистов, так и лукавых царедворцев, предательским шепотом сеявших смуту куда более гнусную и зловредную, чем вся леворадикальная оппозиция вместе взятая.

В изгнании Иван Солоневич продолжал свою неутомимую борьбу словом и, насколько это было возможно, делом. Он пишет статьи, книги, издает газеты, формирует в русском зарубежье имевшее большой общественный резонанс и существующее поныне Народно-Монархическое Движение. В 30-е годы в Болгарии он издает одну за другой газеты «Голос России» (1936—1938), «Наша газета» (1938— 1940), «Родина» (1940) — надо полагать, периодически закрывавшиеся по каким-то неведомым нам причинам. В 1948 году он основывает в Аргентине выходящую до сих пор газету «Наша Страна», на базе которой выпускается довольно обширная, содержательная и целенаправленная литература, связанная главным образом с детищем Солоневича Народно-Монархическим движением. Здесь вышли его книги «Народная Монархия», «Диктатура импотентов», «Диктатура слоя», «Роман во Дворце Труда», «Хозяева», «Что говорит Иван Солоневич о

Царе и монархии, о большевизме, о русской эмиграции, о «Штабс-капитанском» (Народно-Монархическом) Движении», «Великая фальшивка Февраля и другие статьи» и пр., а также работы его сподвижников — Башилова, М. Спасовского, Н. Потоцкого, проф. М. Зазыкина, проф. Б. Ширяева, Н. Былова и др.

Суть зыждущегося на славянофильских идеях Народно-Монархического Движения сводится к двум основным постулатам: «Народу — сила мнения. Царю — сила власти» (Иван Аксаков) и «Русская монархия это есть не произвол одного лица, а система учреждений» (Лев Тихомиров). На обширном фактическом материале Иван Солоневич убедительно доказывает природную естественность и историческую гармоничность царского самодержавия в России, его органическую связь с народным миропониманием. Анализируя три формы государственной власти — Монархия, Республика. Диктатура, — Солоневич приводит к безоговорочному выводу в пользу первой из них, — особенно в такой глубоко православной стране, как Россия. «Православие есть самая оптимистическая религия мира. Православие исходит из того предположения, что человек по своей природе добр, а если и делает зло, то потому, что «соблазны». Если мы удалим «соблазны», то останется, так сказать, химически чистое добро. По крайней мере, в земном смысле этого слова. Наследник Престола, потом обладатель Престола ставится в такие условия, при которых соблазны сводятся если не к нулю, то к минимуму. Он заранее обеспечен всем. При рождении он получает ордена, которых заслужить, конечно, не успел, и соблазн тщеславия ликвидируется в зародыше. Он абсолютно обеспечен материально — соблазн стяжания ликвидируется в зародыше. Он есть Единственный, имеющий Право, — отпадает конкуренция, и все то, что с ней связано. Все организовано так, чтобы личная судьба индивидуальности была бы спаяна в одно целое с судьбой нации. Все то, что хотела бы для себя иметь личность, все уже дано. И личность автоматически сливается с общим благом». Причем «самодержавие в России принципиально отличается от западного абсолютизма, введенного у нас Петром I. Западный абсолютизм — это диктатура закона, русское самодержавие, по определению Вл. Соловьева, «диктатура совести». Этот тезис подробно развивает в своих исторических работах другой видный представитель Народно-Монархического Движения — Борис Башилов: «Самодержавие отличается от европейского просвещенного или непросвещенного абсолютизма тем, что сочетает железную дисциплину центральной государственной власти с широчайшей свободой органов местного самоуправления. Это гениальное сочетание твердой власти и

широчайшей свободы, которыми всегда обладала Россия до Петра I и в последние царствования после ликвидации царями крепостного права, и позволило русскому народу не только отстоять свою национальную независимость, но и создать величайшее государство в мире».

Однако, сколь ни значительна была общественная деятельность Ивана Солоневича, сам он, предвидя грядущее возрождение Родины, воспринимал себя прежде всего хроникером величайшей в ее истории трагедии: «...Мои газетные писания являются «человеческим документом», — документом боли, гнева и негодования. И документом гораздо более ценным для будущего России, чем мои книги».

Воспроизводим на страницах нашего журнала («Бежин луг» №1 за 1992г. [БВП]) две связанные между собою статьи Ивана Солоневича, опубликованные в октябре 1951 — июле 1952 г. в газете «Наша Страна». Нам кажется, что они представляют интерес не только с точки зрения оценки событий 75-летней давности, но и чем-то очень перекликаются с нашим раздираемым внутренними противоречиями временем.

Александр АПАСОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сейчас, когда керенское сборище, организованное на социальной базе случайных долларов, — никакой иной социальной базы у этого сборища **нет**, — начинает что-то пиццать от имени России, — нам нужно, наконец, развеять великую и бесстыдную ложь о февральской народной революции. Эта ложь культивируется более или менее всеми партиями России, начиная от коммунистической и кончая ультраправыми. По существу, обе эти точки зрения совпадают: ВКП(б) говорит: «Народ сделал революцию». Ультраправые говорят: «Чернь, обманутая левыми, сделала революцию». Срединные партии, виляя хвостом то вправо, то влево, талдычат о завоеваниях Февраля, завоеваниях, в результате которых «народ» сидит в концлагерях, а «избранные» разбежались по Парагваям. Новая эмиграция не имеет почти никакой возможности отличить заведомую чушь от реальных исторических фактов и строительство легенд — от реальных социальных отношений в довоенной России. Такие усидчивые компиляторы, как С. Мельгунов, собирают горы цитат и показаний и, как и полагается усидчивым компиляторам, из-за деревьев не видят леса. Не видят того, что дворцовый переворот был результатом целого комплекса нездоровых социальных отношений, накопленного всем петербургским периодом русской истории.

Лично я был профессиональным свидетелем событий всего 1916 и 1917 гг. — политическим репортером крупнейшей газеты России — суворинского «Нового времени». Даже и для нас, репортеров, так сказать, профессиональных всезнаек, революция была как гром среди совершенно ясного неба. Для левых она была манной, но тоже с совершенно ясного неба. Но о личных своих воспоминаниях я говорить не буду. Я постараюсь дать анализ социальной обстановки 1916 года и уже после этого приведу документальные данные о Феврале и его авторах.

По чисто техническим условиям я могу дать только очень схематический обзор событий. Для этой темы нужна бы книга — небольшая, но документированная бесспорными данными, книга, которую можно было бы дать в руки любому человеку России и показать, — здесь нечего даже и «доказывать», — как Россию губили и справа и слева и как фактически обстояли дела. Но до сих пор, за тридцать лет эмиграции, такой книги нет. Не было времени. Не было денег. И уж конечно, не было никакого желания.

Это **очень** тяжелая тема. И я очень долго откладывал ее. Но дальше откладывать нельзя, ибо керенские и иже с ними готовят нам всем повторение: и Февраля, и Марта, и так далее, до Октября включительно. С той только разницей, что Керенщина 1917 года застала страну, полную противоречий, но полную сил. Сейчас противоречий будет, может быть, не меньше, чем их было в 1917 году, но хлеба — нет, жилищ — нет, одежды — нет, страна придавлена и чудовищным аппаратом ВКП(б), и чудовищной промышленностью для войны за мировой коммунизм, и чудовищностью предстоящей войны.

Сейчас не время ни для мифологии, ни для фальшивок. Кроме всего этого, мы должны иметь в виду, что «наследники Февраля», собравшиеся в Штутгарте, готовят если не совсем раздел, то что-то вроде балканизации России, что темные доллары им даны именно под этим условием, что они приняли и условия и доллары.

Правда о Феврале будет **тяжелой** правдой — легких правд у нас **нет**. Но эта тяжелая правда имеет и чисто практическое значение: нельзя допускать к власти никого из тех людей, которые справа сделали Февраль, а слева стали его углублять. Правда, все эти люди были только вывесками над событиями страшной нашей истории, и их **личные** преступления теряются в море исторических сдвигов. О Великой французской революции Талейран говорил: «В ней виноваты все, или не виноват никто, что, собственно, одно и то же». О Феврале этого сказать нельзя. И если на левой стороне был теоретический утопизм, то на правой было самое прозаическое предательство. Это, к сожалению, есть совершенно неоспоримый **факт**.

В числе прочих объяснений Февраля есть и еще одно, вероятно, самое глупое и самое позорное из всех имеющихся в распоряжении эмигрантской публики: английские интриги. Надо-де было изъять Россию из числа **будущих** победителей для того, чтобы не выполнить договора о проливах. Изъятие России ставило, прежде всего, под самую непосредственную угрозу всю судьбу войны, во-вторых, перемена режима никак не влекла за собою аннулирование международных договоров и, наконец, в-третьих, у английского посольства в Петрограде не было **никакой** возможности оказать заговору какую бы то ни было техническую помощь, а в материальной помощи участники заговора не нуждались никак: А. Гучков и М. Родзянко были богатейшими людьми России — никакие деньги им не были нужны. М. Алексеев богатым человеком не был. Но, как бы ни расценивать его личность, — нельзя же все-таки предположить, чтобы он продал своего Государя за **деньги**. Сэр Д. Бьюкенен и его дочь в своих мемуарах категорически отрицают какое

бы то ни было английское участие в Февральском перевороте. Сторонники теории английской интриги не приводят **никаких** фактов, которые могли бы ее подтвердить. И единственное, на что они указывают, это на то, что совещания участников заговора происходили в английском посольстве. С совершенно такой же степенью безопасности они могли собираться и у Гучкова, и у Родзянки, и в штабе Алексеева, и вообще где угодно — сыскной машины ВЧК—МВД тогда ведь не существовало. О нашем правящем — или правившем — слое можно быть очень низкого мнения. Сторонники теории английской интриги, сами не сознавая этого, пропагандируют самое низкое мнение, какое. только может быть: наш правивший слой дошел-де до такой степени разложения, что достаточно было показать ему пачку фунтов стерлингов, чтобы толкнуть его на любое предательство. Такого мнения не придерживаюсь даже и я.

О СИМВОЛИКЕ ВООБЩЕ

Есть такой рецепт производства артиллерийских орудий: нужно взять круглую дыру и облить ее сталью — получится орудие. Целый ряд исторических концепций фабрикуется именно по этому рецепту: берут совершеннейшую дыру и обливают ее враньем: получается история. Или исторический факт. Именно по такому рецепту Петр Первый был сделан Великим, Екатерина II — Великой, Павел I — безумцем, Николай Первый — Палкиным. Примерно по такому же рецепту знаменитый Моммзен писал свою знаменитую римскую историю, и проф. Виппер, анализируя моммзенские изыскания, скорбно констатирует, что все они имели, в сущности, в виду только одно: политическую пропаганду того, что впоследствии было названо прусским милитаризмом: «Вот видите, древние римляне поступали точно так же, как должны поступать мы: «Хайль Гитлер!»

Гитлера, правда, во времена Моммзена не было, но Гитлер родился именно из Моммзена. Это только подпрапорщики запаса могут полагать, что «великие люди» появляются на свет Божий путем самозарождения. Трагедия заключается в том, что большинство человечества состоит все-таки из вот таких подпрапорщиков. Им, подпрапорщикам, нужен *символ*. Что-то простое, явное, осязаемое, подменяющее реальную сложность жизни схематизированной фигурой гения, вождя, сверхчеловека. Символ нужен и слою, — слой сплывается около этого символа, как около знамени. Иногда символ нужен и нации, — как утешение. Таким символом стало для Франции 14-е Июля, день

взятия Бастилии. А казалось бы, чего тут праздновать? Ведь как-никак взятие Бастилии если и символизирует что бы то ни было, так только начало падения страны с первого места в Европе и в мире на — трудно сказать на какое именно место, что-то в пределах второй половины первого десятка. Но вот, празднуют...

Противоречие символики с самыми очевидными фактами не играет, по-видимому, никакой роли. Вот умный человек. Лев Тихомиров, пишет, что Петр Первый понавыдумывал таких законов, которые, если бы у него хватило гениальности еще и провести их в жизнь, привели бы к форменной катастрофе, но, к счастью для России, гениальности Петра Первого хватило только на законодательное прожектерство... И — все-таки: гений. Другой, тоже умный человек, В. Ключевский, вертится, как черт перед заутреней, сам себе на каждом шагу противоречит, а опасные пункты символики старается обходить как можно осторожнее. Проф. Платонов посвятил целую книгу реабилитации петровской гениальности — в Советской России это предприятие *абсолютно* безнадежное — и самым тщательным образом обходит: и дезертирство под Нарвой (при пятикратном превосходстве сил), и бегство из-под Гродно, и, наконец, такой военный скандал, какого в русской истории больше не было никогда: Прутскую капитуляцию. И Нарва и Гродно объясняются стандартизировано: престиж шведской непобедимости. И старательно обходится стороной нам почти неизвестный генерал-майор Келин, у которого в Полтаве было: четыре тысячи «гарнизонной команды» и четыре тысячи «вооруженных обывателей» и который был, по-видимому, совершенно не проницаем ни для какого «престижа» Этот генерал-майор Келин, во главе восьми тысяч плохо вооруженного сброда (можно себе представить Полтавскую «гарнизуну» и вооруженных обывателей!), разделал тридцатитысячную армию Карла так, что от нее осталась — по Ключевскому, «голодная и оборванная толпа», и, кроме того, толпа, лишенная пороха, а, следовательно, и артиллерии. Полтавская победа над этой толпой была описана двести пятьдесят раз. А о генерал-майоре Келине я не смог найти никакой литературы. Не знаю, есть ли она вообще. Вероятно, нет. Ибо, если мы сопоставим два факта: а) дезертирство при Нарве, при пятикратном превосходстве русских сил и б) защиту Полтавы при четырехкратном превосходстве неприятельских сил, то совершенно *очевидно*, что от стратегического гения Петра Первого не останется абсолютно ничего. Но этот «гений» был необходим *социально* для правых, ибо он символизирует начало крепостного права, и для левых, ибо он символизирует революционное насилие над нацией.

Практически в установлении крепостного права Петр Первый был абсолютно ни при чем. Он не отдавал себе отчета в том, что делалось

вокруг него и от его имени. Екатерина Вторая отдавала себе совершенно ясный отчет: она то взывала к Сенату, то писала указы, то плакала — но сделать она не могла ничего: ее убили бы еще проще, чем убили Императора Павла Первого.

Эта маленькая справка по поводу исторической символики приведена потому, что история — или, точнее, историография -- Февральской революции с изумительной степенью точности повторяет рецепт артиллерийского производства: берется дыра и дыра обливается выдумками. Самое занятное то, что в феврале 1917 года никакой революции в России не было вообще: был дворцовый заговор. Заговор был организован:

- а) земельной знатью, при участии или согласии некоторых членов династии — тут главную роль сыграл Родзянко;
- б) денежной знатью — А. Гучков и
- в) военной знатью — ген. М. Алексеев.

У каждой из этих групп были совершенно определенные *интересы*. Эти интересы противоречили друг другу, противоречили интересам страны и противоречили интересам армии и победы — но никто не организует государственного переворота под влиянием плохого пищеварения. Заговор был организован по лучшим традициям XVIII века, и основная ошибка декабристов была избегнута: декабристы сделали оплошность — вызвали на Сенатскую площадь *массу*. Большевицкий историк проф. Покровский скорбно отмечает, что Императора Николая Первого «спас мужик в гвардейском мундире». И он так же скорбно говорит, что появление солдатского караула могло спасти и Императора Павла Первого. Основная стратегическая задача переворота заключалась в том, чтобы изолировать Государя Императора и от армии и от «массы», что и проделал ген. М. Алексеев. Самую основную роль в этом перевороте сыграл А. Гучков. Его техническим исполнителем был ген. М. Алексеев, а М. Родзянко играл роль, так сказать, слона на побегушках. Левые во всем этом были абсолютно ни при чем. И только после отречения Государя Императора они кое-как, постепенно пришли в действие: Милюков, Керенский, Совдепы и, наконец, Ленин — по тем же приблизительно законам, по каким развивается всякая настоящая революция. Но это пришло позже — в апреле—мае 1917 года. В феврале же был переворот, организованный, как об этом сказали бы члены СБОНРа или Лиги, «помещиками, фабрикантами и генералами». Так что, если члены СБОНРа, или Лиги, или всяких таких малопочтенных предприятий клянутся великими принципами Февраля, то они клянутся принципами «помещиков,

фабрикантов и генералов». По всей вероятности, ни о чем этом члены СБОНРа, или Лиги, или всяких таких малопочтенных предприятий и понятия не имеют.

Таким образом, символика Февраля с потрясающей степенью точности повторяет символику Петра Первого. Правые, которые сделали революцию, признаться в этом не могут никак. Именно поэтому правая публицистика эмиграции ищет виновников Февраля в англичанах, немцах, евреях, масонах, японцах, цыганах, йогах, бушменах, в нечистой силе и в деятельности темных сил, ибо как признаться в том, что «**темными силами**» были как раз помещики, фабриканты и генералы? Не могут об этом говорить и левые — ибо что тогда останется от *народной* революции? От великих завоеваний Февраля? И от «восстания масс против проклятого старого режима»? Правые не могут признаться в том, что страшная формулировка Государя Императора о предательстве и прочем относится именно к *их* среде, левым очень трудно признаваться в том, что февральская манна небесная, так неожиданно свалившаяся на них, исходила вовсе не от народного гнева, не от восстания масс и вообще не от какой «революции», а просто явилась результатом предательства, глупости и измены в среде правившего слоя.

Таким образом фальшивка Февраля декорируется с двух сторон: левые пытаются все свалить на народ, правые — на народ, «обманутый левыми».

Как будет *показано* дальше, никакой «народ» *никакого* участия в Феврале не принимал. Но кое-какие массы принимали кое-какое участие в «углублении Февраля» — а что им оставалось делать? Веками и веками привычная власть пала. Кому было верить? Массы не верили *никому*.

Прежде чем перейти к изложению фактической стороны событий конца 1916 года, когда заговор назревал, и начала 17-го, когда он был реализован, попробуем поставить вопрос: кому это было нужно? —*qui prodest?* (*Кому выгодно* (лат.) — **Ред.**) Нельзя же, в самом деле, предполагать, чтобы люди по пустякам пошли бы на такое предприятие, которое при неудаче грозило виселицей. Чтобы такие факторы, как болезненная застенчивость Государыни Императрицы, могли бы толкнуть людей на государственный переворот. Или чтобы даже и Распутинская легенда, созданная верхами аристократии, могла играть какую-то реальную роль. Ведь вот никого в свое время не возмущали ни Орловы, ни Зубовы — при всей фактической стороне их плодотворной деятельности. Почему *вымышленное* «влияние» Распутина могло вызвать негодование? И именно в тех слоях, которые по ежедневной своей практике не могли не знать, что никакого влияния не было? Никакой роли

не могло играть и положение армии, ибо если кто-либо в мире знал, что армия наконец вооружена до зубов, то в первую голову этого не могли не знать ген. Алексеев, как начальник штаба Верховного Главнокомандующего, и А. Гучков, как председатель Военно-Промышленного Комитета. Впоследствии М. Родзянко — самый массивный, самый громогласный и, по-видимому, самый глупый из участников заговора — писал о том, что с революцией или без революции Россия все равно была бы разбита. Как мы уже знаем, некоторые, несколько более умные люди, чем М. Родзянко, — У. Черчилль и А. Гитлер придерживались диаметрально противоположной точки зрения. Таким образом, все эти соображения отпадают начисто. Остаются другие.

Если мы *честно* продумаем нашу внутреннюю историю Петербургского периода, то мы увидим, что красной и *кровавой* нитью проходит через нее царевубийство. Говоря несколько символически — от Царевича Алексея Петровича до Царевича Алексея Николаевича. Все царевубийства, кроме царевубийства 1 марта 1881 года, были организованы *знатью*. И даже убийство Царя-Освободителя находится под некоторым вопросом: в самом деле, почему не смогли охранить? Может быть, не очень хотели? Жалкая кучка изуверов организует *семь* покушений, и весь аппарат Империи никак не может с этой кучкой справиться.

В самом деле — почему? Как бы то там ни было, место, занимавшееся русскими государями, было *самым опасным* местом в мире. И если Алексей Петрович, Иоанн Антонович, Петр Третий, Павел Первый, Второй и Николай Второй погибли от руки убийц, то ведь Николай Первый и Александр Третий спаслись только случайно. Восшествие на Российский Престол почти равнялось самоубийству. Дело заключалось в том, что Петербургская Империя строилась как Империя крепостническая, и Петербург был необходим как штаб, который мог бы держать монархию в плену, изолировав ее от страны, от нации, от *массы* и непрерывно держа носителей Верховной Власти под дулом царевубийства. Так было с Алексеем Петровичем и так же случилось с Николаем Александровичем. Санкт-Петербург был построен *именно для этого*.

Русская знать стояла накануне полной экономической *катастрофы*, точно так же, как перед Петром Первым она стояла накануне политической. В предвоенные годы дворянское землевладение теряло до трех миллионов десятин в год. Задолженность дворянского землевладения государству достигла чудовищной суммы в три миллиарда рублей. Если эту сумму перевести хотя бы на цену фунта мяса (около двугривенного в России тогда и около доллара в САСШ (*САСШ* — *США*.

— **Ред.**) сейчас), то она будет равняться 12—15 миллиардам долларов. Два или три «плана Маршалла» вместе взятых. Покрыть эту задолженность дворянство не имело *никакой* возможности — оно стояло перед полным банкротством.

Низовое и среднее дворянство давно примирилось с судьбой. Оно, по существу, возвращалось в старое положение московского служилого слоя. Оно заполняло администрацию, армию, свободные профессии, в очень слабой степени шло и в промышленность. Если, по словам алдановского профессора Муравьева, Александр Второй отнял у дворянства половину его состояния, — то Столыпинские реформы отнимали и вторую. Для дворянской *массы* это уже не было угрозой: она служила, работала, и ее «поместья» были только или «подсобным предприятием», или — еще проще — дачей. Для нашего «вельможества» Столыпинская реформа была началом окончательного конца. Такие дворяне, как А. Кони, или Л. Толстой, или Д. Менделеев, или даже А. Керенский, шли в «профессию», которая иногда оплачивалась очень высоко, но которая никак не могла оплатить ни дворцов, ни яхт, ни вилл в Ницце, ни даже яхт-клуба в Петербурге. Это было *катастрофой*, отсюда и та травля, которой подвергался П. А. Столыпин со стороны Совета Объединенного Дворянства. Супругу министра Его Величества П. А. Столыпина в «салонах» не принимали, как не принимали и супругу С. Ю. Витте.

П. А. Столыпин был убит. Государь продолжал то дело, которое не совсем уж правильно называется Столыпинской реформой, правильнее было бы назвать его Николаевской реформой, как всегда медленно и как всегда с огромной степенью настойчивости, — ничего не ломая сразу, но все переделывая постепенно. Для дворцов, яхт, вилл и прочего отстранение Государя Императора было *единственным* выходом из положения — точно так же, как в свое время убийство Павла Первого.

Особенно трагическая черточка всего этого заговора заключается в том, что и часть Династии приняла в нем активное участие. Династия — чем дальше от престола, тем больше сливалась с земельной аристократией, с ее политическими и социальными интересами. В начале января 1917 года повелением Государя Императора четыре Великих Князя были высланы из Петербурга (см.: С. Ольденбург, т. II, с. 232) — и конечно, у Государя Императора были для этого достаточные основания, при Его антипатии ко всякого рода крутым мерам. Династически-аристократическая группа строила свои расчеты на Вел. Кн. Николае Николаевиче, который, кажется, не без основания считался крайним реакционером и отношение которого к Царской Семье было чрезвычайно

плохим. Тот факт, что о заговоре Вел. Кн. Николай Николаевич *знал*, не может, по-видимому, вызывать никакого сомнения. Дальнейшее пока неясно. Но, во всяком случае именно эти круги обеспечили заговору его технического исполнителя ген. Алексеева.

Основной пружиной заговора был, однако, А. И. Гучков. Для этого у него были свои основания, и эти основания категорически и непримиримо расходились с мотивам аристократической группы.

После П. А. Столыпина А. И. Гучков был, конечно, *самым крупным* человеком России. В его патриотизме не может быть никаких сомнений, но ведь «патриотами» были и французские якобинцы, «патриотами» называют себя наши ленинцы и сталинцы, чекисты и энкаведисты, так что этот термин почти ничего не говорит. Пока был жив П. А. Столыпин, А. И. Гучков со всей своей силой поддерживал и П. А. Столыпина и правительство вообще. Со смертью П. А. Столыпина А. И. Гучков перешел в оппозицию, имевшую два разреза.

Правая публицистика эмиграции очень любит идеализировать положение, существовавшее в России в предвоенные годы. Нет, положение никак не было блестящим. Не забудем того, что в 1902—1908 годах по Высочайшему повелению была создана комиссия по исследованию причин «оскудения центра России», под председательством В. Н. Коковцова. Так что факт «оскудения» был признан официально. И была найдена его причина — главным образом община. Не забудем того, что писал такой правоверный монархист, каким, конечно, является Л. Тихомиров.

«Господство бюрократической системы... довело до страшного упадка нашу Церковь, изуродовало дух земского самоуправления, подорвало даже *боевые* качества русской армии. Оно, наконец, так подорвало уровень самой бюрократии, что уже стало невозможно находить способных и дельных работников администрации».

На ту же тему можно было бы привести еще более резкие мнения и бар. Н.Врангеля и кн. С. С. Волконского, и А. С. Суворина, и многих других — *правых* людей. Русская бюрократия *действительно* была очень плоха, для 1912 года, конечно. Для 1951 она показалась бы общим собранием ангелов, — ничего не поделаешь, мы прогрессируем... П. А. Столыпин кое-как привел эту бюрократию в кое-какой порядок. После его гибели начались Штюрмеры: людей в *данном* слое не было, как на это не раз жаловался и Государь Император. Но в России вообще людей было сколько угодно, и конечно, одним из них, может быть первым из них, был А. И. Гучков — и лично, и *социально*.

А. И. Гучков был представителем чисто русского промышленного капитала, который хотел и который имел право, по крайней мере, на участие в управлении страной. В этом *праве* придворная клика ему отказывала. Об этой клике А. Суворин писал:

«У нас нет правящих классов. Придворные — даже не аристократия, а что-то мелкое, какой-то *сброд*» («Дневник», с. 25).

Этот «сброд», проживавший свои последние, самые последние закладные, стоял на дороге Гучковым, Рябушинским, Стахеевым, Морозовым — людям которые *делали* русское хозяйство, которые строили молодую русскую промышленность, которые *умели работать* и которые знали Россию. От *их* имени А. И. Гучков начал свой штурм власти. Власть для него персонифицировалась в лице Государя Императора, к которому он питал нечто вроде личной ненависти. Во всяком случае. Высочайший прием А. Гучкова, как председателя Государственной Думы, был очень холоден. В Петербурге рассказывали, что, отменяя претензии А. Гучкова на министерский пост. Государь Император якобы сказал: «Ну, еще и этот купчишка лезет». Фраза в устах Государя Императора очень мало правдоподобная. Но — фраза, очень точно передающая настроения «правлящих сфер» — если уж и П. А. Столыпин был неприемлем как «мелкопоместный» — то что уж говорить об А. Гучкове? Лучшего премьер-министра в России не было. Но для того, чтобы назначить А. Гучкова премьер-министром. Государю Императору пришлось бы действовать в стиле Иоанна Грозного. Стиль Иоанна Грозного исторически себя не оправдал: его результатом было, в частности, и Смутное время.

Предреволюционная Россия находилась в *социальном* тупике, — не хозяйственном, даже и не политическом, а социальном. Новые слои, энергичные, талантливые, крепкие, хозяйственные, пробивались к жизни и к власти. И на их пути стоял старый правящий слой, который уже вырожден во всех смыслах, даже и в физическом.

Сейчас, треть века спустя после катастрофы Февраля 1917 года, мы можем сказать, что объективно внутреннее положение России было почти трагическим. Сейчас, после Февральской и Октябрьской революций, мы обязаны наконец констатировать тот факт, что вся наша история Петербургского периода была до крайности дисгармонична: если половина носителей Верховной Власти гибла от руки убийц и из всех Императоров России только Петр Первый и Александр Первый не находились в состоянии непрерывной и смертельной опасности со стороны *правлящих* слоев страны, то о внутренней гармонии в стране могут говорить только «Часовые» и иже с ними. Но «Часовые» и иже с

ними не могут, не смеют констатировать того факта, что из всех слабых пунктов Российской Государственной конструкции верхи армии представляли *самый* слабый пункт. И все планы Государя Императора Николая Александровича сорвались именно на этом пункте.

Л. Тихомиров был прав: бюрократия поставила под угрозу даже и боеспособность армии. Может быть, лучше было бы сказать точнее: не боеспособность личную, а боеспособность техническую. Блестящие традиции Суворова, Потемкина, Кутузова и Скобелева были заменены прусской муштрой, против которой так яростно восставал М. Скобелев, — последний «из стаи славных». Дольше всего эта блестящая традиция сохранилась в нашей кавказской армии, где даже и во времена Николая Первого солдат называл своего офицера по имени и отчеству и где солдат и офицер были боевыми товарищами — младшими и старшими, но все же товарищами. Эта традиция была заменена прусско-остзейской. Целый и длинный ряд социальных причин привел к тому, что если Россия, взятая в целом, дала миру ряд людей самой, так сказать, первой величины и дала их *во всех* областях человеческого творчества, то самый важный участок — армия — был обнажен. Как ни плоха была старая бюрократия, но даже и из ее среды государи могли подбирать таких людей, как С. Витте, В. Коковцов, Н. Сазонов, не говоря уже о П. Столыпине. На верхах армии была дыра. После каждых крупных маневров производились массовые чистки генералитета, военный министр с трибуны парламента расписывался в бездарности командного состава армии. Но что было делать? Самый чин генерала в довоенной России приобрел, с легкой руки Ф. Достоевского, явственно иронический характер. Но — делать было нечего, людей не было и после страшной генеральской чистки, произведенной Вел. Кн. Николаем Николаевичем в начале войны, обнаружилось, что на место вычищенных поставить некого. Чистка подняла популярность Великого Князя в армии — точнее, в ее солдатском составе, но шла война, и делать было нечего.

Генерал М. Алексеев был типичным генералом не от инфантерии, не от кавалерии и не от артиллерии, а от бюрократии. Генерал-канцелярист.

Другой генерал — А. Мосолов, придворный дипломатический генерал, пишет о ставке так:

«Окружение Царя в ставке производило впечатление тусклости, безволия, апатии и предрешенной примиренности с возможными катастрофами».

И тут же ген. А. Мосолов прибавляет поистине *страшный* штрих:

«Честные люди уходили, и их заменяли эгоисты, ранее всего думавшие о собственном интересе».

Таков подбор «кадров», сделанный ген. М. Алексеевым. Из каких соображений пошел он на приманку государственного переворота?

Аристократия и буржуазия имели совершенно ясные и классовые мотивы. Какие мотивы могли быть у ген. М. Алексеева. Об этом можно только гадать. Самая вероятная догадка сводилась бы к тому, что Государь Император брал командование армией в свои собственные руки и что переворот мог означать — Вел. Кн. Николая Николаевича в качестве регента Империи, а ген. М. Алексеева в качестве верховного главнокомандующего армией, — армией, которая стояла на пороге, казалось бы, совершенно гарантированной победы. Почему бы М. Алексееву не стать вторым М. Кутузовым? Это — самое вероятное объяснение. А может быть, и единственное.

ЧТО ЕСТЬ РЕВОЛЮЦИЯ

Прежде чем ответить на вопрос, была в феврале 1917 года революция или никакой революции не было, нужно установить, что, собственно, есть революция? Термин — неясен и неточен. Само собою разумеется, что «революция в науке» или «революция в технике» не то же самое, что революция в государстве. Но и в государстве революции бывают разные. Дворцовый переворот тоже можно назвать революцией. Можно назвать революцией и народное восстание. Было ли Пугачевское восстание революцией или не было? Было ли революцией восстание североамериканских подданных Великобритании против их метрополии? Условимся так, революция есть широкое, народное и насильственное движение, направленное к свержению или, по крайней мере, к изменению существующего государственного и социального строя. *С этой* точки зрения настоящими революциями были и Великая Французская революция и русская революция 1905 года.

Сейчас, почти полвека спустя, русскую революцию 1905 года мы *обязаны* оценить со всей доступной нам степенью объективности, — совершенно независимо от того, нравится ли она нам, или не нравится. Революция 1905 года была народной, была массовой и была насильственной. Как и во всякой революции, ее учетники ставили себе разные цели, шли разными путями и называли разные вещи одним и тем же именем и одни и те же вещи — разными именами. Такова судьба всех революций. Крестьянские восстания («беспорядки») охватили почти всю

европейскую Россию; они были направлены против дворянства, но они не были направлены против монархии. Военные восстания — бунт на броненосце «Потемкин», захват революционерами Кронштадта (26 и 27 октября Кронштадт был во власти революционеров), вооруженное восстание Черноморского флота 14 ноября (главный «герой» — лейтенант Шмидт), вооруженное восстание в Москве, начатое 2 декабря Ростовским полком. Пресненское восстание в Москве (бои за Пресню длились *десять* дней), вооруженное восстание в Горловке, Новороссийске, в Туркестане, на Кавказе и пр., и наконец, всеобщая забастовка, на три дня совершенно парализовавшая весь транспорт, всю промышленность, весь административный аппарат, — все это проходило под лозунгом «Долой самодержавие!». Но под этим лозунгом разные люди и разные партии понимали *разные* вещи. Так, например, даже пресловутого лейтенанта Шмидта советская история называет «буржуазным демократом», что эквивалентно эмигрантскому термину «разлагатель».

Таким образом, в 1905 году в России была настоящая революция — массовая, народная и насильственная. Вину в этой революции не следует сваливать ни на чьи частнособственнические плечи: это было *историческое* явление, в котором желания и цели отдельных лиц так перекрещивались, что... получалось глупо, как глупо получается со в с я к о й революцией в мире и истории. Революции 1917 года очень симпатизировал еврейский банкирский дом Якоба Шифа в САСШ, и после революции Якоб Шиф и Павел Милюков обменялись восторженными телеграммами. Якоб Шиф, как и всякий еврей того времени, был, конечно, настроен против самодержавия — однако его симпатии к русской революции были вызваны не столько русофобством, сколько германофильством. До сих пор остается неизвестным, действительно ли Якоб Шиф «финансировал» революцию 1917 года и если да, то кому он давал деньги. Но если он их и давал, то — в конечном или еще не конечном счете — для того, чтобы на тучной почве русской революции вырастить Адольфа Гитлера. Так что деньги если и были вложены, были вложены не совсем туда, куда следовало. Несколько умнее поступили другие евреи. В числе прочих факторов, способствовавших разгрому революции 1905 года, был заем в 800 миллионов рублей, который дом Ротшильда устроил для России. Еврейская революционная и шовинистическая пресса — есть ведь и еврейский шовинизм, как есть русский и другие — предала дом Ротшильда анафеме, что не помешало ему существовать и до сих пор.

Революционное движение 1905 года было *лоскутным*, — как всякое революционное движение в мире и истории. Крестьянство воевало

против помещиков. Пролетариат ставил во главу угла социально-экономические требования. И крестьянство и пролетариат действовали *бесцельно*, — ибо тоже самое «самодержавие», которое они якобы пытались «свергать», делало все, что находилось в пределах данных историко-экономических условий, для того чтобы удовлетворить законные требования и крестьянства и пролетариата. Солдатская и матросская масса восставала против остзейской дисциплины. Интеллигенция — главным образом во имя собственной власти или, по крайней мере, участия во власти. Причем в 1905 году, как и в 1917-м, цели разных групп интеллигенции были абсолютно несовместимы — Милюков, с одной стороны, и Ленин — с другой. Однако разница между событиями 1905 года и «революцией» 1917-го была *огромной*. По самому глубинному своему существу революция 1905 года была все-таки революцией *патриотической* — при всем безобразии ее внешних форм. Россия *до* 1905 года задыхалась в тисках сословно-бюрократического строя — строя, который «самодержавие» медленно, осторожно и с необычайной в истории настойчивостью вело к ликвидации и без всякой революции. Не надо забывать: Россия того времени была единственной из культурных стран мира, в которой не существовало никакого народного представительства, в которой существовали предварительная цензура печати, паспортная система, чисто сословная администрация и неполноправная масса крестьянства. Социально-административный строй России был отсталым *строем*. Это положение никак не касается монархического принципа вообще, ибо монархи, как и генералы, «бывают разные». Сейчас, например, существует английская социалистическая монархия, чем она кончится — еще неизвестно. В России до 1905 года существовала монархия, «ограниченная царубийством» и *сдавленная* пережитками крепостничества. Государь Император Николай Второй был несомненно лично *выдающимся* человеком, но «самодержавным» Он, конечно, не был. Он был в плену. Или, как еще резче выражается генерал А. Мосолов, «в тюрьме» — так же, как и Его предок Император Павел Первый. Его возможности были весьма ограниченными — несмотря на Его: «неограниченную» власть. И если при Императоре Николае Первом Россией правили «сто тысяч столоначальников», то при Императоре Николае Втором их было триста тысяч. *Правили нацией*, по существу, *они*. По существу, страна боролась против *них*. Но против них же, правда, в других формах, боролась и «самодержавие». Таким образом, обе линии совпадали, линия монархии и линия нации. И все шло более или менее гладко до военных катастроф Японской войны.

Очень было бы полезно вспомнить тот факт, что «общественное движение» времен этой войны началось со *студенческой* демонстрации к Зимнему дворцу с пением «Боже, Царя храни» (см. акад. Ольденбург, с. 233). Страна была охвачена патриотическим подъемом. Потом он стал гаснуть. Ни одной победы. Сплошные поражения, закончившиеся гибелью всего флота при Цусиме, поражением при Мукдене и сдачей Порт-Артура. Нация исключительно талантливая, энергичная и боеспособная начала искать виновников. И если неудачи Крымской кампании имели удовлетворительное объяснение: против России выступали такие первоклассные европейские государства, как Франция и Англия, плюс еще и Турция; если Турецкая война оставила в нации все-таки, очень горький осадок, то Японская война была страшным ударом по национальному самолюбию. В самом деле: даже с «япощками» и с теми не можем справиться! Целый ряд поражений заканчивается Цусимой — гибелью *всего* русского флота при почти полном отсутствии потерь в японском. Сдача Порт-Артура и — первый раз в новой истории мира — разгром европейского государства азиатским противником.

Если бы неудачу Японской войны персонифицировать в лице ген. А. Куропаткина, по той же схеме, как развал 1917 года персонифицирован в лице А. Керенского, то можно бы сказать так: ген. А. Куропаткин был до войны русским военным атташе в Японии: о степени японской военной подготовленности *он обязан* был знать. Он не знал. Потом он был нашим военным министром, и в качестве военного министра *он обязан* был подготовить армию. Он не подготовил. Потом в качестве главнокомандующего армией он обязан был вести ее к победам. Он не привел ни к одной. Советская историческая литература, и художественная и научная, всячески подчеркивает героизм офицеров и причины поражения объясняет исключительно одним — бездарностью командования. Объяснение неудовлетворительное, ибо неполное: ген. А. Куропаткин был результатом данного социального слоя. Да, интендантство, поставляя армии валенки на картонных подошвах, стесняло маневренные возможности ген. Куропаткина, но ген. Куропаткин в качестве военного министра был ответствен и за интендантство. Да, русское вооружение *отставало* от японского, как оно отставало от турецкого в войну 1877 года и от союзного в Крымскую войну. Может быть, не хватило денег на артиллерию. Но почему не хватило знания о, закрытых позициях артиллерии? Да, радиотелеграф был изобретен в России. Но почему он был на японском флоте и его не было на русском? Таких вопросов можно было бы поставить бесконечное количество. Сумма ответов на все эти вопросы была, действительно, до очевидности проста: устарелый правящий слой страны, базирующийся на

ее устарелом социальном строе, не годился никуда. Из установления этого — совершенно *бесспорного* — факта был сделан по меньшей мере спорный вывод: «долгой самодержавие». Спорный потому, что «самодержавие» или «монархия» не связаны ни со строем, ни со строем, монархия может быть и крепостническая и социалистическая, а «самодержавие» в старой Москве означало — в переводе на нынешний язык — национально-суверенную монархию, ограниченную и Церковью, и Соборами, и традицией. В Санкт-Петербурге XVIII века оно обозначало монархическую вывеску над диктатурой дворянства, и в XIX столетии оно обозначало центральную единоличную власть, «ограниченную царевубийством» и пытавшуюся вернуться к московским истокам этой власти. Кое-что из всего этого мы начинаем понимать только сейчас. Но в 1905—1906 гг. вопроса о понимании даже и не ставилось: страна, я бы сказал, пришла в разъяренное состояние. И не было никакого агитпропа, который разъяснил бы: так в чем же, в сущности, было дело? Дело, конечно, было в социальном тупике, настоящего выхода из которого не нашел и манифест 17 октября 1905 года. Двенадцать лет спустя оказалось, что тупик так и остался тупиком.

Банальное объяснение провала революции 1905 года говорит о том, что революция была ликвидирована «уступками» манифеста 17 октября. Люди вообще склонны к самым банальным объяснениям, — вот вроде немецкого «дольхштосса», в очень вольном русском переводе: «нож в спину революции». Германия 1930-х годов была твердо убеждена в том, что в Первую Мировую войну ее армии оставались непобедимыми и что победу сорвала революция, давшая в спину армии — «дольхштосс». Любая хронологическая справка указывает на тот печальный факт, что революция пришла приблизительно через месяц после полного военного разгрома, — после Салоникского прорыва, капитуляции Болгарии, Австрии и Турции, после истошных телеграмм Гинденбурга и Людендорфа, требовавших от Вильгельма «капитуляции в двадцать четыре часа». Высочайший Манифест был дан семнадцатого октября. Московское вооруженное восстание началось второго декабря, а всеобщая забастовка — седьмого декабря, то есть, самая высокая волна революции поднялась приблизительно через *полтора месяца* после Высочайшего Манифеста. Можно, конечно, сказать: уступки только раззадорили революцию — но и это будет банальным ответом: правящий слой всех наших белых армий ничего «уступать» не захотел и, как нам совершенно точно известно, «не уступает» и до сих пор. Потерял *абсолютно* все шансы на возвращение хоть чего бы то ни было, — бежит, бежит, бежит — и не уступает.

Революция 1905—1906 годов не была «замазана уступками», а подавлена *вооруженным путем*. Если бы в эти годы Риманы и Мины, Свердловы и Дубасовы действовали так же, как в 1917 году действовали Алексеевы и Брусиловы, Рузские и Хабаловы, то тысяча девятьсот семнадцатый год мы имели бы в тысяча девятьсот пятом. Но в 1905 году правящий слой еще не имел в своем прошлом столыпинской реформы, а перед его будущим еще не стояла перспектива полного банкротства. Поэтому в 1905 году правящий слой поддержал Монархию, а в 1917 году — изменил Ей. В феврале 1917 года *никакой* революции не было: был бабий хлебный бунт, и генерал Хабалов вопреки прямому повелению Государя отказался его подавить. Генерал Хабалов, видите ли, боялся пролития крови. Это, так сказать, биологическое чудо: генерал, боящийся пролития крови. Революция началась в марте и стала «углубляться» решительно по той же схеме, по какой углублялась Великая Французская революция. С той только разницей, что наши якобинцы оказались гораздо серьезнее французских.

МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ

Итак, *настоящая* революция 1905—1906 годов была подавлена. Не замазана уступками, а подавлена вооруженной силой, 1905 год дал России конституцию. Но ни революция, ни конституция не решили ничего, почти ничего не улучшили, И весь исторический ход дальнейшей русской жизни привел, собственно говоря, только к одному: к предельному обнажению ее «трагических противоречий».

Формулировка о «трагических противоречиях» принадлежит не мне. С. Ольденбург (с. 10) пишет о Государе Императоре:

«Новый порядок вещей во многом не соответствовал Его идеалам, но Государь сознательно остановился на нем в долгом и мучительном искании выхода из *трагических противоречий* русской жизни».

Основное из этих трагических противоречий заключалось в том, что в начале XX века в стране продолжал существовать совершенно ясно выраженный сословный строй. Что в это же время основная масса населения страны — ее крестьянство было неполноправным ни экономически, ни политически, ни в бытовом, ни, тем более, в административном отношении. Законопроект о крестьянском равноправии был внесен в Законодательные Палаты еще П. А. Столыпиным. Государственный Совет кромсал и откладывал этот

законопроект, как только мог, и только осенью 1916 года, то есть совсем уже накануне революции, этот проект попал на рассмотрение Государственной Думы — да так и остался не рассмотренным... и до сих пор (Ольденбург, с. 180). Это положение я сформулировал почти четырнадцать лет тому назад в «Тезисах Штабс-капитанского Движения» (с. 9):

«Гений русского народа был зажат в железные тиски крепостничества и тех его пережитков, которые существовали до 1917 года».

Имейте в виду: это было написано почти четырнадцать лет тому назад.

«Пережитки крепостничества» в той форме, в какой они сохранились до 1917 года, сводились в самом основном к тому, что дворянство сохранило за собой почти полную монополию управления государством — и не только на верхах, но и на низах. Министрами могли быть и были только дворяне, губернаторами — тоже, земскими начальниками — тоже. Земскими самоуправлениями по закону и «по должности» заведовали уездные и губернские предводители дворянства. Крестьянская масса, не равноправная ни экономически, ни политически, ни даже в области гражданского права, была целиком отдана под дворянскую опеку. Эта масса рассматривала дворянство как своего наследственного противника, с которым она вела то партизанскую войну за выгоны, перегоны, уголья, аренды и прочее, то подымалась Пугачевщиной или «беспорядками». Земство эта масса рассматривала как дворянское предприятие, и только в северных губерниях, где дворянства почти не было, земство попало в крестьянские руки и дало блестящие результаты, например, Вятское Земство. Словом, дворянство удержало свою опеку надо всей страной.

Можно спорить о том, была ли эта опека благотельна или губительна. Было и так и так. Русский суд — собственно, исключительно дворянский, был, вне всякого сомнения, лучшим в мире, причем между «лучшим в мире» русским судом и «вторым местом» в этой области был *зияющий* прорыв: уже «второе место» в сравнении с этим чисто дворянским судом не выдерживало *никакого* сравнения. Командный состав армии — откуда дворянство ушло прежде всего — или начало уходить — был совершеннейшей *катастрофой*. Правительство — исключительно дворянское — при всех своих недостатках было *абсолютно неподкупным*. Знать, вращавшаяся около правительства и «сфер», старалась воровать как только можно. Бар. Дельвиг в своих воспоминаниях о железнодорожных концессиях, которые получили

представители знати, сейчас же перепродавшие эти концессии иностранцам, в результате каковых операций «чистый доход» и без всякого приложения каких бы то ни было усилий составлял десятки миллионов тогдашних золотых рублей. Если вы удосужитесь перечитать воспоминания ген. Мосолова, или Бьюкенена, или Палеолога, то вас, вероятно, поразит то ощущение безмерных богатств, которые водопадами бриллиантов и жемчугов сверкали на петербургских приемах и балах, — но это было призрачное богатство, — его экономическая база уже не существовала. И наряду с этими водопадами рядовой русский офицер, по словам ген. П. Краснова, «если не всегда голодал, то недоедал всегда», а ведь это было в довоенной России! Быт этого офицерства я лично знал потому, что вырос в таких гарнизонных городах, как Гродно, Вильно, Минск, — быт был *ужасающий*. Но в пределах этого быта шли «противоречия». Русская артиллерия была, конечно, лучшая в мире. Русский артиллерийские офицеры ставили русские казенные заводы так, как по тем временам не был поставлен ни один завод в мире, может быть, за исключением Цейссовского *кооперативного* предприятия (заводы Цейсса были построены на наследственно-кооперативных началах). Так что и тут получается чрезвычайно странное противоречие: на человеческой базе вот этих самых артиллерийских офицеров можно было бы построить «настоящий социализм». То есть и в самом деле полное огосударствление средств производства. В то же время интендантство воровало, как последний карманный вор. Причем воровство это шло — как в Японскую войну — «на счет русской крови».

Морис Палеолог, французский посол в Петербурге в предреволюционные годы, был очень внимательным наблюдателем. Не обходится, конечно, и без некоторой клюквы, касающейся главным образом двух вещей — Государыни Императрицы и «Охранки». Государыня Императрица, по мнению, почерпнутому из «салонов», была «мистически предана» Распутину, а о гемофилии Наследника Цесаревича и о гипнотическом лечении Распутина в воспоминаниях не сказано ни слова. Что же касается «этой ужасной Охранки», то в представлении М. Палеолога она была чем-то вроде ГПУ — могла расстреливать любого гражданина страны, да так, что и родные ничего об этом не знали. Что делать, без клюквы не обходится ни один иностранный наблюдатель и очень многие русские наблюдатели.

М. Палеолог пишет еще об одном противоречии: «Общем невежестве русского народа» с одной стороны и его «элите» — с другой. Он пишет о некультурной и отсталой массе и об элите «блестящей, активной, плодотворной и сильной» — «Нигде больше в мире экспериментальные и положительные науки не представлены так

достойно, как в России». «И я даже рискую сказать, что Павлов и Менделеев — это такие же величины, как Клод Бернар и Лавуазье», — со стороны француза это, конечно, высший комплимент. Список имен этой элиты занимает у Палеолога *две страницы*, — причем часть этих людей он знал *лично*. На свои приемы он приглашал не только представителей династии, правительства и дипломатии, но также и представителей промышленности и науки. Палеолог, как посол Франции, смертельно боялся русской революции, ибо революция в России означала бы переброску всех или почти всех германских сил на Западный фронт, — что впоследствии и случилось. Он уже в то время отметил и Стравинского и Прокофьева, но «мужик» в его представлении очень недалеко ушел от троглодита.

Итак: с одной стороны — Павлов и Менделеев, Толстой и Врубель, и с другой — «мужики», которые ставят свечки, то ли перед образом Святого Григория — в память убитого Распутина, то ли перед образом Святого Димитрия — в память убийц Распутина. Но само собой разумеется, что при всей своей наблюдательности русского мужика М. Палеолог просто видеть не мог.

Сословный строй был дан России *исторически*, и очень немного в мире стран, которые без этого строя обошлись. Строй умирал, но еще не умер. Я как-то иронически писал, что русское дворянство разделилось на две части: дворянство кающееся и дворянство секущее. *Политически* это точно. Но вне политики существовала еще и третья разновидность дворянства — дворянство *работающее*. На судьбы России оно, к сожалению, не оказало *никакого* влияния. Ф. Кони — в области суда, Л. Толстой — в области литературы, Дягилев — в балете, Станиславский — в театре, Ипатьев — в химии и прочие и прочие, каждый в своей области, ставили *мировой* рекорд, и рекорд в большинстве случаев неоспоримый. О русском народе М. Горький сказал: «Народ талантливых чудаков», — о «чудаках» можно спорить, о талантливости, пожалуй, не стоит. Русское дворянство было по-русски талантливо, и, кроме того, оно имело, так сказать, экономический досуг для того, чтобы «овладеть всей современной культурой», по крайней мере, та часть дворянства, которая этого хотела.

И если мне, например, пришлось зубрить иностранные языки по Туссену и Лангеншейдту — отчего я и до сих пор, зная три иностранных языка, ни на одном из них не могу говорить совершенно свободно, то Герцены и прочие получали это *автоматически* — от гувернанток. Они не знали заботы о завтрашнем дне и могли заниматься Гегелем сколько им было угодно — жаль, что они занимались именно Гегелем. Как бы то

ни было, были накоплены огромные культурные ценности, которые и потеряны сейчас почти бесповоротно. Радоваться этим потерям было бы совершеннейшей бессмыслицей. Так что правящее сословие страны разделилось на три части: одна — аполитичная — пошла на работу, она, конечно, составляла ничтожное меньшинство, как и всякая умственная элита в мире. Остальное дворянство разделилось на кающееся и секущее — на революцию и реакцию, — почти без всякого промежуточного звена. Само собою разумеется, что ни в каких симпатиях к анархизму меня обвинить никак нельзя, хотя один раз ОГПУ меня арестовало именно за анархизм. Это был самый короткий арест: часа на два. Я был до того изумлен, что даже чекисты поняли свою ошибку. Но как бы ни относиться к анархизму вообще, следует все-таки признать, что кн. П. Кропоткин был человеком совершенно исключительной моральной высоты. И как бы ни расценивать идею монархии, необходимо все-таки констатировать тот факт, что для подавляющей массы «монархического дворянства» монархия, взятая как идея, не значит абсолютно ничего — это только вывеска.

Сословный строй страны вызвал целый ряд трагических и *автоматических* противоречий. Я несколько раз пытался проделать такой эксперимент: стать на наиболее объективную точку зрения, какая только практически возможна, — это будет точка зрения русского монарха. Итак: сословный строй дан исторически и унаследован от всего прошлого. От этого прошлого унаследованы и некультурность масс и культурность дворянства, не всех, впрочем, масс, и не всего, впрочем, дворянства.

Так вот: земство. Если устранить дворянство от его ведущей роли в этом земстве, то земство попадает или в некультурные руки крестьянства, или в революционные руки интеллигенции. Если дать дворянству ведущую роль — совершенно неминуема оппозиция крестьянства. Администрация: если сломать дворянскую монополию — значит, нужно открыть двери или купечеству, у которого достаточных административных кадров еще нет, или разночинной интеллигенции, которая начнет «свергать». Если оставить эту монополию, то купечество и интеллигенция пойдут в революцию, — как это и случилось на самом деле. И так плохо, и так нехорошо. Скорострельного выхода из положения *не было* вообще. По крайней мере, государственного разумного выхода.

На это основное противоречие наслаивались десятки и десятки других. Финляндия была практически независимой страной, и в том же 1916 году в Государственной Думе еще рассматривался закон о

равноправии русских в Финляндии — хороши «завоеватели». Хива и Бухара управлялись своими ханами и эмирами по своему адату и шариату. Но Грузия не имела никакого национального управления. И было совершенно неизвестно, как его организовать в кавказских условиях. В Прибалтике шел процесс дегерманизации Эстонии и Латвии, но шел и процесс русификации — не очень уж насильственной, но ненужной и раздражающей. От западнорусских губерний России в Государственный Совет попадали исключительно польские магнаты (см. ниже), — но преподавание польского языка и литературы было запрещено. Перед самой революцией Государственный Совет зарезал законопроект, предусматривавший польский язык в суде и администрации Царства Польского. Еврейская беднота — а еврейская беднота в черте оседлости была ужасающей — была сжата всякими ограничениями, а еврей-банкир Манус — личность в лучшем случае весьма подозрительная — имел свободный доступ в великокняжеские салоны. Русское крестьянство рассматривало Распутина как свой *port-parole* (на русском языке *нет* нужного термина), а те же великокняжеские салоны пустили по всему миру распутинскую *клевету*. Династия стояла в оппозиции Монарху, служба информации русской монархии была поставлена из рук вон плохо, монархия начисто изолирована от массы, и ген. А. Мосолов констатирует (с. 99):

«Бюрократия, включая министров, составляет одну из преград, отделяющих Государя от народа. Бюрократическая *каста* имела собственные интересы, далеко не всегда совпадавшие с интересами страны и Государя. Другая преграда — это интеллигенция. Эти две силы построили вокруг Государя истинную стену — настоящую *тюрьму*...» А «ближайшая свита не могла быть полезной Императору ни мыслями, ни сведениями относительно внутренней жизни страны». Ген. А. Мосолов в качестве начальника канцелярии Министерства Двора был, конечно, вполне в курсе дела: «истинная стена» и «настоящая тюрьма». Государю приходилось действовать более или менее вслепую. Это нужно учесть для будущего. Должна быть создана, по крайней мере, такая служба информации, какую имеют большевики. Так, в секретных сводках, предназначенных для членов ЦК партии, есть *все*, — без пессимизма и без оптимизма, — совершенно объективное изложение данного положения вещей. У русской Монархии этого не было. Это одна из основных технических ошибок ее организационной стороны. Очень серьезная ошибка, — ибо нет в природе людей, которые были бы совершенно свободны от «влияния». А «влияние» достигается вовсе не путем внушения, а путем информации. Информация хромала. И если ген. Мосолов выражается очень корректно: «ближайшая свита не могла быть

полезной Императору ни мыслями, ни сведениями» и что «честные люди уходили», то А. Суворин, издатель крупнейшей в России монархической газеты, формулирует это положение вещей несколько менее корректно: «Государь окружен или глупцами или прохвостами». Эта запись сделана в 1904 году («Дневник», с. 175). Тринадцать лет спустя Государь Император повторяют формулировку А. Суворина: «Кругом измена, трусость и обман» (И. Якобий, с. 27, запись в дневнике Государя Императора от 2 марта 1917 года). Само собою разумеется, что эта формулировка не могла относиться ни к Керенскому, ни к Ленину.

* * *

«Трагические противоречия русской жизни» иногда принимали характер форменной нелепости. Польша наконец, разгромлена и побеждена. В Государственной Думе польское «коло» держится спаянно и особняком. При почти равенстве сил между правым и левым блоком польское «коло» получает решающее значение и может решать судьбу Империи. Затевадается нелепый процесс Бейлиса, который кончается его оправданием, но который производит во всем мире совершенно скандальное впечатление. Государственный Совет, из чистого желания насолить П. А. Столыпину, проваливает его проект модернизации петербургской полиции и вооружения ее броневиками. И в феврале 1917 года петроградская полиция имеет на вооружении револьверы и «селетки» — так в свое время назывались те сабли, которыми были вооружены наши многострадальные городские. Единственная «реформа», которая удается П. Столыпину — это реформа Государственной Думы — закон 3 июня. Путем всяческого законодательного и административного нажима создается народное представительство, которое хоть как-то мажет работать. Организовано оно отвратительно — и технически и политически. Саша Черный писал: Середина мая — и деревья голы, Точно Третья Дума делала весну... Никакой весны не сделали ни Первая, ни Вторая, ни Третья. Весну сделала Четвертая — под «мудрым» водительством Пуришкевича, Шульгина, Милюкова и Керенского. Все четверо делали одно и то же дело. «Бороться надо, правительство — дрянь», — говорил В. Шульгин (Ольденбург, с. 211). Во время войны его речи почти ничем не отличались от речей П. Милюкова и в печати они были запрещены военной цензурой. В. Пуришкевич говорит с трибуны Думы истерический вздор, и ему принадлежит «первый выстрел русской революции» — убийство Распутина. Но это было уже во время войны.

До войны почти единственным светлым пятном была недолгая деятельность П. Столыпина. В эмиграции очень склонны преувеличивать значение его реформ. По существу, кроме «третьеиюньской» Думы, почти никаких реформ не было: основная реформа — закон о «стольпинском мужике» — была только началом: до войны на отруб и прочее перешло только восемь процентов крестьянского землевладения. Все остальные попытки П. А. Столыпина были похоронены Государственным Советом. Особенный *принципиальный* интерес представляет проект о выборах в Государственный Совет от западных губерний. Право на участие в выборах имели только крупнейшие помещики. В западных девяти губерниях крупнейшими помещиками были поляки. От девяти западных губерний с их 2—3% польского населения, в Государственный Совет попали исключительно поляки. П. А. Столыпин предложил снизить ценз. Правые протестовали с классовой точки зрения, — это-де «создает нежелательный прецедент для остальных губерний», то есть поставили классовую точку зрения выше национальной. Левые были против из соображений интернационализма, то есть поставили национальный принцип выше классового, но *не русский* национальный принцип. Этот законопроект чуть не привел к отставке П. Столыпина — отставке, которая все равно уже была предreshена, — П. А. Столыпин выступал и против правых и против левых, и Государю Императору оставалось: или распустить *обе* законодательные Палаты, или отказаться от П. А. Столыпина. Пуля Е. Богрова внесла автоматическое решение в этот вопрос. Но оставила корабль русской государственности в том трагическом положении, о котором так красочно и так безнадежно писал Л. Тихомиров. И вот в этом трагическом положении, в переплете «трагических противоречий», невооруженная Россия вступила в войну с до зубов вооруженной Германией.

ВОЙНА

Культурно и экономически предвоенная Россия росла невероятными темпами. Но «трагические противоречия» — оставались. В Первую Мировую войну Россия вступила в обстановке этих противоречий, при разложившемся правящем слое, при крайней неудовлетворительности командования вооруженными силами, при недостатке вооружения, при незаконченном раскрепощении крестьянства, при разладе между Монархией и верхами, при разладе в среде Династии, при наличии парламента, который только и ждал подходящего момента для захвата власти — при Пуришкевичах, Шульгиных, Милюковых и

Керенских, которые делали *одно и то же дело*, и при совершенно архаическом административном аппарате.

Статс-секретарь С.Крыжановский, ближайший помощник П. А. Столыпина, пишет:

«Основная язва нашего старого бюрократического строя — засилие на верхах власти старцев... Расслабленный старец Гр. Сельский... печальной памяти бессильные старцы Горемыкин, Штюмер, кн. Голицын. Усталые и телесно и духовно, люди эти жили далеким прошлым, неспособные ни к какому творчеству и порыву, и едва ли не ко всему были равнодушны, кроме забот о сохранении своего положения и покоя» (с. 46).

И дальше (с. 205):

«Министры подкапывали друг друга у Престола, поносили в обществе... Административный и полицейский фундамент Империи остался в архаическом состоянии, совершенно непригодным к новым требованиям жизни, и государству пришлось поплатиться за это, когда настали трудные времена».

Бар. Н. Врангель, — отец Главнокомандующего, — пишет, собственно, то же самое:

«Между высшим обществом и народом образовалась пропасть, утерялась всякая связь. «Мы» — правительство, немногие его честные слуги и бесчисленные холопы. «Они» — вся остальная Россия... Мы все могли быть непогрешимы... Результатом этого ослепления было то, что часть «их» действительно стала подкапываться под правительство, остальная часть, — прибавлю, самая лучшая — отошла в сторону от общественных дел и была заменена людьми, желающими не блага страны, а преследующими лишь свои собственные интересы» (с. 63 и 77).

Кн. С. Волконский — бывший директор Императорских Театров.— пишет решительно то же самое:

«Россию губили с двух сторон. Сейчас мы склонны делать ответственными только людей революции. Да, они ответственны за свои дела. Но за свой приход? Разве они не нашли себе подходящей почвы? А где длинный путь, по которому мы шли к тому, к чему пришли? Вот это не все понимают из числа наших соотечественников, которых я встречал после моего бегства из советского ада. Все скошено — понимаете ли вы? Все. Нужна новая стройка, новое здание из нового материала и с новыми работниками».

Это все отзывы *правых* людей, людей привилегированного слоя. Не Керенских и не Лениных. Самый правый из русских историков — И. Якобий дает еще более *жуткую* картину:

«Помойными ямами были столичные салоны, от которых, по словам государыни, неслись такие отвратительные миазмы... Русский правящий класс и здесь оплевывал самого себя, как слабоумный больной, умирающий на собственном гноище» (с. 77). Государыня Императрица пишет Своему Супругу о «ненависти со стороны прогнившего высшего общества» (Якобий, с. 7). Тот же И. Якобий (с. 26) пишет:

«Любопытно и поучительно сравнивать рассказы дипломатов о настроениях столичного общества (*в начале XIX века*. — И. С.) с тем, что другие дипломаты, как М. Палеолог, например, писал о том же и во время Великой Войны. Те же пересуды, та же эгоистическая близорукость, та же злоба к Монарху, то же предательство. За сто лет высшее русское общество не изменилось». Ген. А. Мосолов сообщает:

«Думали, что переворот приведет к диктатуре Вел. Кн. Николая Николаевича, а при успешном переломе в военных действиях и к его восшествию на Престол. Переворот считался возможным ввиду распрей в Императорской Фамилии...» (с. 23).

«..Легкомысленные представители общества думали исключительно о своем собственном благополучии... Ища виновников неудач России, они обрушились на Государя и, в особенности, на Государыню. Видя невозможность отделить Императрицу от Царя, они начали мечтать о дворцовом перевороте» (с. 60).

И на с. 49 свои впечатления суммирует так:

«Мне казалось, что столица объята повальным сумасшествием».

Как видите, все это выражено очень туманно. Никаких имен не названо и никаких фактов не приведено. С. Ольденбург пишет еще осторожнее:

«Измена бродила вокруг Престола...» И потом не без некоторой наивности добавляет:

«Но, к чести высшего общества, можно сказать, что эта измена так и не воплотилась в жизнь» (с. 232).

Вся эмиграция, в том числе и С. Ольденбург, является именно следствием «воплощения измены», но всю эту тему автор пытается обойти как-то сторонкой, как, впрочем, пытаются и И. Якобий и А. Мосолов. Впрочем, на этой же странице С. Ольденбург приводит чрезвычайно симпатичный факт:

«Дошло до того, что представитель Союза Городов, городской голова Хатисов, ездил на Кавказ, предлагать Вел. Кн. Николаю Николаевичу произвести переворот и провозгласить себя царем».

Вел. Кн. Николай Николаевич отклоняет это предложение под предлогом «монархических чувств армии», но оставляет этот преступный разговор без всяких последствий и даже не докладывает о нем Государю Императору. Председатель Центрального Комитета Кадетской (миллюковской) партии, кн. П. Д. Долгоруков, возражая кому-то, пишет в январе 1917 года:

«Дворцовый переворот не только нежелателен, но скорее губителен для России. Дворцовый переворот не может дать никого, кто явился бы общепризнанным преемником монархической власти на Русском Престоле».

Значит, даже кадетская партия возражает против переворота. Кому она возражала? Сам С. Ольденбург констатирует:

«Настроение общества, не говоря уже о широких массах, не благоприятствовало перевороту».

Под «обществом» ген. А. Мосолов понимал его привилегированные верхи. С. Ольденбург понимал его массу. Но это мало меняет дело. Дальше С. Ольденбург говорит:

«В конце концов та группа, которая заранее поставила себе целью свержение Императора Николая Второго, продолжала разрабатывать планы *дворцового переворота или военного переворота*».

Из *кого* состояла эта группа? С. Ольденбург называет только одно имя — А. Гучкова, который действительно был главным стратегом «февраля». Но кто были остальные? На этот вопрос дает ответ французский посол в Петрограде М. Палеолог. Нужно иметь в виду, что М. Палеолог стоял *за* русскую монархию. М. Палеолог любил слегка пофилософствовать. Так, на с. 282 он утверждает, что:

- 1) Основная разница между латинской и англосаксонской революционной психологией, с одной стороны, и славянской, с другой, заключается в том, что у одних воображение логично и конструктивно, у других исключительно разрушительно...
- 2) Восемь десятых русского населения не умеют ни читать, ни писать...
- 3) Болезнь воли — это туземное заболевание России...
- 4) Анархия, соединенная с ленью и воображением, — это страстное желание России. И наконец,

- 5) огромные пространства страны делают всякую провинцию центром сепаратизма.

Пока что русская революция сконструировала власть, которая претендует на мировое господство и рискует бросать вызов всему остальному миру. Болезнь воли сказалась в наших гражданских войнах. Ни из какого сепаратизма ничего не вышло. О восьмидесяти процентах неграмотных не стоит, конечно, и говорить. Некоторые клюквенные заросли совершенно неизбежны в мемуарах каждого иностранного наблюдателя. Тем не менее М. Палеолог стоял *за* русскую монархию — а никак не против нее. Он, иностранец, республиканский посол в монархической стране, пытался доказать Родзянке, что «царизм есть основной стержень России, внутренняя скрепка всего русского общества, и, наконец, единственная связь, объединяющая народы Империи». И взывал: «Если царизм падет, поверьте мне, что он увлечет за собою в гибель все здание России!»

Так вот этот М. Палеолог ставит некоторые точки над некоторыми «i».

И тот же М. Палеолог на с. 137, 138 и др. с полным недоумением рассказывает о том, что князья просто и Великие Князья, представители и финансовой и земельной знати, на своих приемах совершенно открыто говорили о свержении Государя и о том, как они уже ведут пропаганду в частях гвардии — в первую очередь в Павловском полку, который и в самом деле первым начал «революцию». М. Палеолог ни на какие слухи не ссылается: на этих приемах он присутствовал лично и сам все это слышал.

Его изумляла откровенность заговорщиков, которые под хмельком все это выбалтывали в присутствии посторонних лиц, в том числе и посла союзной державы. Он называет имена, которых я здесь повторять не буду. Говорит, что эта аристократическая агитация велась даже среди личного конвоя Его Величества. И провозглашались тосты такого рода:

«За умного («intelligent») царя, исполненного чувства долга и достойного своего народа». И тут же приводится «план» — принудить Государя Императора к отречению, заключить Государыню Императрицу в монастырь, возвести на престол Наследника Цесаревича при регентстве Вел. Кн. Николая Николаевича.

* * *

И вот с такими «трагическими противоречиями» и с таким правящим слоем Россия вступила в Первую Мировую войну. Первая Мировая война была намного *страшнее* войны 1812 года. Тогда, в 1812 году, не было никакого вопроса ни о расчленении, ни о колонизации России. Украинский чернозем и прочее в этом роде Наполеону вовсе не было нужно: ему, по существу, нужно было только насильственное включение России в его систему континентальной блокады Англии. Планы Вильгельма были безмерно шире — и расчленение, и порабощение, и колонизация. Впоследствии Адольф Гитлер эти планы значительно «углубил». В 1812 году мы воевали почти против «всей Европы». В 1914-м — в союзе с почти «всей Европой». Но в 1812 году наш правящий слой еще не был «слабоумным больным, умирающим на собственном гноище». В 1914-м он уже был истинно слабоумным. Таким он остался и сейчас. И сейчас, вот только что, так сказать, исторически позавчера, наша реакция нанесла такой удар по русскому монархизму, какого за все тридцать лет изгнания еще не было нанесено. Методы — не изменились. И они не изменятся. Поэтому историческая справка о великой фальшивке Февраля имеет совершенно конкретное практическое «судбоносное» значение для всей нашей будущей работы.

ЛЕВЫЕ О ФЕВРАЛЕ

Когда мы ищем виновника революции, мы должны по мере возможности четко разграничить два вопроса.

Первый: кто делал революцию?

Второй: кто *сделал* революцию?

Делала революцию вся второсортная русская интеллигенция последних ста лет. Именно второсортная. Ни *Ф. Достоевский*, ни *Д. Менделеев*, ни *И. Павлов*, никто из русских людей *первого* сорта — при всем их критическом отношении к отдельным частям русской жизни — революции не хотели и революции не делали. Революцию делали писатели второго сорта — вроде Горького, историки третьего сорта — вроде Миллюкова, адвокаты четвертого сорта — вроде А. Керенского. *Делала* революцию почти безымянная масса русской гуманитарной профессуры, которая с сотен университетских и прочих кафедр вдалбливала русскому сознанию мысль о том, что с *научной* точки зрения

революция неизбежна, революция желательна, революция спасительна. Подпольная деятельность революционных партий опиралась на этот массив почти безымянных профессоров. Жаль, что на Красной Площади, рядом с мавзолеем Ильича не стоит памятник «неизвестному профессору». Без массовой поддержки этой профессуры — революция не имела бы никакой общественной опоры. Без поддержки придворных кругов она не имела бы никаких шансов. На поддержку придворных и военных кругов наша революция не рассчитывала никак, — и вот почему Февраль свалился ей как манна небесная в пустыне. М. Палеолог на с. 298 подытоживает:

«В 1917 году русские социалисты испытали такую же неожиданность, как французские республиканцы в 1848 году. На докладе в Париже 12 марта 1920 года А. Керенский сказал, что его политические друзья собрались у него 10 марта (26 февраля) 1917 года и единогласно решили, что революция в России невозможна. Через два дня после этого царизм был свергнут».

Об этом же собрании сообщает и С. Ольденбург (с. 243), — хотя и в несколько иной редакции:

«Собравшиеся на квартире Керенского представители крайних левых групп приходили к заключению, что «правительство победило». ...Но в тот же день, — в день «победы правительства», 26-го — около четырех часов дня, произошло весьма серьезное событие:

«4-я рота запасного батальона Павловского полка (в ней было 1500 человек), столпившись на улице около своих казарм, неожиданно открыла беспорядочный огонь по войскам, разгонявшим толпу. (*М. Палеолог подчеркивает, что агитация верхов шла именно в Павловском полку. — И. С.*) Были срочно вызваны несколько рот соседних полков... Прибыл командир полка, а также полковой священник, чтобы урезонить солдат. Те, отчасти под влиянием увещания, отчасти потому, что были окружены, ушли обратно в казармы и сдали оружие. 19 зачинщиков были арестованы и отведены в Петропавловскую крепость...» (С. Ольденбург, с. 243). *До этого* — 25 февраля — Государь Император телеграфировал ген. Хабалову:

«Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны».

На эту телеграмму, утром 26 февраля Хабалов отвечал, что «в столице наблюдается успокоение». «На другой день после отречения Государя М. Палеолог спросил Горького и Чхеидзе: «Значит, эта революция была внезапной (*sponiante*)? — Да, совершенно внезапной».

Эту внезапность сам А. Керенский в своей книге передает так: «Вечером 26 февраля (*то есть после провала восстания Павловского полка.* — **И. С.**) у меня собралось информационное бюро социалистических партий. Представитель *большевиков* Юренев категорически заявил, что нет и не будет никакой революции, что движение в войсках сходит на нет, что нужно готовиться к долгому периоду реакции».

Зензинов («Дело народа» от 25 марта 1917 года) писал:

«Революция ударила как гром с ясного неба и застала врасплох не только правительство и Думу, но и существующие общественные организации. Она явилась великой и радостной неожиданностью и для нас, революционеров».

Левый эсер Мстиславский писал еще красочнее:

«Революция застала нас, тогдашних партийных людей, как евангельских неразумных дев — спящими».

С. Мельгунов суммирует все это в «Независимой мысли» (№ 7, с. 6) так:

«Как бы ни расценивать роль революционных партий, все же остается *несомненным*, что до первого официального дня революции никто не думал о близкой возможности революции».

Большевистская история СССР (с. 135) излагает все это самым схематическим образом:

«Заговор царизма сводился к тому, чтобы заключить сепаратный мир (??? — **И. С.**) и, распустив Думу, направить главный удар против пролетариата. Заговор царизма против революции встретился с другим заговором, созревшим в кругах империалистической буржуазии и генералитета».

Таким образом, *все* историки, и правые и левые, и большевистские и иностранные, сходятся, по крайней мере, на одном пункте: *начало* революции было положено *справа*, а никак не слева. Именно оттуда и зензиловский «гром среди ясного неба». О заговоре «империалистической буржуазии и генералитета» левые, по совершенно понятным соображениям, знать не могли и не знали. А именно этот заговор был *началом* революции. Потом, в марте, апреле и т. д., революция двинулась вперед по путям «углубления», с исключительной степенью точности повторяя ход французской революции. И если августейшие салоны и сам М. Палеолог, передающий их планы и вождения, выражал свое сожаление о том, что в России не нашлось Мирабо, то это сожаление мне кажется совершенно непонятным, — ибо

ведь и во Франции даже и Мирабо решительно ничему не помог. М. Палеолог, посол страны, имеющей весьма большой опыт в революциях, все время проводит параллели между 1789 и 1848 гг. во Франции и 1917 годом в России. Параллели получаются действительно потрясающими. Что, впрочем, никак не мешает М. Палеологу задумываться над таинственной славянской душой, — почему бы не подумать и о таинственной французской?

Правые, или даже крайне правые, историки — И. Якобий, С. Ольденбург, А. Мосолов — глухо, но неоднократно упоминают о «заговоре». О нем же говорят и большевики. О нем же рассказывает — уже более подробно — французский посол. *Конечно* заговор был. Подробности его мы если узнаем, то очень не скоро. Правые историки стесняются называть вещи своими именами — и людей тоже, левые были не в курсе дела, архивы, попавшие в руки большевиков, подверглись, конечно, весьма основательной чистке. Нет *никакого* сомнения в том, что в *дальнейшем* развитии революции огромную роль сыграли те 90 миллионов золотых марок, которые Германия Вильгельма отвалила Ленину и Троцкому. Но об этом постараются промолчать и наследники Ленина и преемники Вильгельма. Однако: при наличии здорового правящего и ведущего слоя ничего не вышло бы ни из заговора, ни из Февраля, ни из Октября. За всеми бесчисленными подробностями событий этого страшного года, этого *позорного* года, и мемуаристы и историки как-то совершенно упускают из виду самую основную нить событий: борьбу против Монарха и справа и слева, борьбу, которая велась и революцией и реакцией. По самому своему существу 1917 год в невероятно обостренной обстановке повторил историю П. А. Столыпина. П. А. Столыпин был, конечно, человеком исключительного калибра. Но он обессилел в борьбе и с реакцией и с революцией. Вскрытие его тела показало совершенную изношенность сердца, в ее роковой форме. 26 февраля 1917 года Государь Император пишет Государыне:

«Старое сердце дало себя знать. Сегодня утром во время службы я почувствовал мучительную боль в груди, продолжавшуюся четверть часа. Я едва выстоял, и мой лоб покрылся каплями пота».

Убийство П. А. Столыпина по самому существу дела не расследовано и до сих пор. И за всякими показаниями и воспоминаниями люди как-то забыли поставить простой, *самый простой* вопрос.

Е. Богров, убийца П. А. Столыпина, был тем, что на официальном языке называлось «осведомителем», на языке общественности — «провокатором», на сегодняшнем языке — «сексотом». Такие люди необходимы всякой полиции мира, не только

политической, но и уголовной. Это *всегда* подозрительные люди. Их можно и их нужно утилизировать для информации. Но почему Е.Богрова допустили к *охране* и П. А. Столыпина и Государя Императора? Не нашлось более надежных людей, чем этот осведомитель, провокатор и сексот? Или — при убийстве Царя-Освободителя: как могли люди допустить *семь* покушений со стороны изуверов? Весь аппарат Империи не смог справиться с десятком человек? Не могли? Не хотели. Не считали очень уж необходимым. А может быть, и кое-какое участие принимали?

Целого ряда подробностей мы не знаем и, вероятно, не узнаем никогда. Но в самом основном дело *совершенно* ясно: в 1916 году был заговор. И люди, которые этот заговор организовали, были, или казались себе, чрезвычайно дальновидными. По-видимому, первым шагом к технической реализации этого заговора было превращение Петрограда в пороховой погреб

ПОРОХОВОЙ ПОГРЕБ

Теперь позвольте мне все-таки обратиться к личным воспоминаниям. Я знаю: это не «документ». «Документом» воспоминания становятся только после того, как их процитирует какой-либо автор. Однако мои личные воспоминания будут, как мне кажется, очень ценным объяснением к настоящему историческому документу: к повелению Государя Императора генералу Гурко.

В начале августа 1916 года я был наконец призван в армию и зачислен рядовым в лейб-гвардии Кексгольмский полк. Принимая во внимание мои глаза — одна двадцатая нормального зрения, — в полку не нашли для меня никакого иного места, как швейная мастерская. Швейная мастерская меня вовсе не устраивала. И так как для сотрудника «Нового Времени» не все уставы были писаны, то скоро и совершенно безболезненно был найден разумный компромисс — я организовал регулярные спортивные занятия для учебной команды и нерегулярные спортивные развлечения для остальной солдатской массы. Я приезжал в казармы в 6 утра и уезжал в 10 дня. Мои добрые отношения с солдатской массой наладились не сразу: близость к начальству эта масса всегда рассматривала как нечто предосудительное. Но они все-таки наладились.

Это был маршевый батальон, в составе что-то около трех тысяч человек. Из них — очень небольшой процент сравнительной молодежи, остальные — белобилетники, ратники ополчения второго разряда, выписанные после ранения из госпиталей — последние людские резервы

России, — резервы, которые командование мобилизовало совершенно *бессмысленно*. Особое Совецание по Обороне не раз протестовало против этих последних мобилизаций: в стране давно уже не хватало рабочих рук, а вооружения не хватало и для существующей армии.

Обстановка, в которой жили эти три тысячи, была, я бы сказал, нарочито убийственной: казармы были переполнены — нары в три этажа. Делать было совершенно нечего: ни на Сенатской площади, ни даже на Конно-Гвардейском бульваре военного обучения производить было нельзя. Людей кормили на убой — такого борща, как в Кексгольмском полку, я, кажется, никогда больше не едал. Национальный состав был очень пестрым — очень значительная часть батальона состояла из того этнографически неопределенного элемента, который в просторечии назывался «чухной». Настроение этой массы никак не было революционным — но оно было подавленным и раздраженным. Фронт приводил людей в ужас: «Мы не против войны, да только немец воюет машинами, а мы — голыми руками», «И чего это начальство смотрело». Обстановка на фронте была хорошо известна из рассказов раненых. Эти рассказы вполне соответствовали описанию ген. Н. Головина:

«Подползая, как огромный зверь, германская армия придвигала свои передовые части к русским окопам... Затем зверь подтягивал свою тяжелую артиллерию... Она занимала позиции, находящиеся за пределами досягаемости для русской полевой артиллерии, и тяжелые орудия начинали осыпать русские окопы градом снарядов, пока ничего не оставалось ни от окопов, ни от их защитников...»

В 1916 году раненые рассказывали решительно то же самое, что в эмиграции писал ген. Н. Головин. И даже не преувеличивали. Роль беззащитной жертвы не улыбалась никому. Тем более что в основном батальон состоял из «бородачей», отцов семейства, людей, у которых дома не оставалось уже никаких работников

«Быт» этих бородачей был организован нарочито убийственно. Людей почти не выпускали из казарм. А если и выпускали, то им было запрещено посещение кино или театра, чайных или кафе и даже проезд в трамвае. Я единственный раз в жизни появился на улице в солдатской форме и поехал в трамвае, и меня, раба Божьего, снял какой-то патруль, несмотря на то, что у меня было разрешение комендатуры на езду в трамвае. Зачем было нужно это запрещение — я до сих пор не знаю. Меня, в числе нескольких сот иных таких же нелегальных пассажиров, заперли в какой-то двор на одной из рот Забалканского проспекта, откуда я сбежал немедленно.

Фронтвики говорили: «И на фронте пешком, и по Питеру пешком — вот тебе и герой отечества!» Это было мелочью, но это было оскорбительной мелочью — одной из тех мелочей, которые потом дали повод к декларации «о правах солдата». Для этой «декларации» были свои основания: правовое положение русского солдата было х у ж е, чем какого иного солдата тех времен. Так что в числе тех «прав», которые «завоевала революция», для солдатской массы были право езды в трамвае, посещение театров, а также и право защиты физической личности от физических методов воздействия. Кроме того, революция «завоевала» право на торговлю семечками, на выборы и на отказ идти на фронт: масса была лишена разумных прав и получила неразумные. Все это было «социальными отношениями», унаследованными от крепостнического прошлого. Но уже и перед войной, в связи с огромным, я бы сказал «ураганным», подъемом культуры в России, в связи со всякого рода заочными и незаочными курсами, тягой к образованию, появилась масса людей, для которых пережитки крепостничества были морально неприемлемы.

Итак: от двухсот до трехсот тысяч последних резервов России, скученных хуже, чем в концлагере, и обреченных на безделье и... пропаганду.

Пропаганда велась с трибуны Государственной Думы. И велась не столько левыми, сколько правыми. Речи Керенского не производили никакого впечатления — на то он и социалист. Но когда бездарная военная цензура запрещала печатать речи В. В. Шульгина или В. М. Пуришкевича и когда, вместо этих речей, в газетах появлялись белые полосы, то по совершенно понятным соображениям любопытство массы доходило до степени белого каления. В ответ на этот «спрос» русский рынок заполнялся всякого рода гектографированными и литографированными изданиями этих речей. И тут уж каждый «издатель» редактировал их по-своему. Я и до сих пор очень ясно помню одну из совершенно истерических речей В. М. Пуришкевича — о ней очень коротко упоминается у Ольденбурга. Я ее слышал, я о ней писал (цензура выкинула), потом я ее перечитывал в стенограмме. Речь была откровенно глупа даже и в стенограмме. Это был призыв «пасть к ногам Государя Императора» и умолять его спасти Россию и Династию от влияния темных сил. Гектографированные издания внесли в эту речь и кое-что новое: в этих изданиях речь заключала в себе требование заточения в монастырь Государыни Императрицы, как «немки, работающей на гибель России и армии».

Речи социалистов не производили на массу *никакого* впечатления: «ну, это мы слышали сто раз». Но когда с революционными речами выступают *монархисты*, то впечатление получается убийственное: «ну, если уж и Пуришкевич так говорит, значит наше дело совсем дрянь».

Я буду просить моих читателей из числа бывших подполковников и даже генералов оставить в покое ведомственные суеверия и оценить положение с точки зрения самого простого, самого человеческого здравого смысла, от двухсот до трехсот тысяч «бородачей»: позади у них — небурные хлеба, впереди — беззащитный фронт против немецкой мясорубки, сейчас — теснота, тоска, обильное питание и слухи, слухи, слухи... Царица. Распутин. Штюрмер. Темные силы. Шпионаж. Предательство. Неспособность. В конце октября история дала «первый звонок»: на Выборгской стороне, на автомобильном заводе Рено вспыхнули рабочие беспорядки (см.: М. Палеолог, с. 66) и гвардия стреляла в полицию. «Гвардию» обезоружили казачьи части. Сделали это очень неохотно. 150 человек было расстреляно: на Шипке все снова стало спокойно.

...Цензура имеет технический смысл только тогда, когда она организована *тотально*, как у Гитлера или Сталина. В противном случае она оказывается по меньшей мере *бессмысленной*: белые полосы в газетах компенсировались гектографированными изданиями, на которые, по цензурным правилам, нельзя было отвечать публично. Потом цензуре пришла в голову истинно гениальная идея: запретить и белые полосы. Вместо них в газетах появились выцарапанные в стереотипе строчки. Ничего не было опубликовано о беспорядках на Выборгской стороне, но были и прокламации, и слухи, и выцарапанные строчки:

«Вчера на Выборгской стороне...» и дальше шла выцарапанная строчка. Что случилось? Как случилось? Ответ давала нелегальная печать или обывательские слухи. Опровергать этот ответ было нельзя, ибо, по мнению гениальной нашей военной цензуры, раз она выкинула информацию о событии, то об этом событии никто не знал, никто ни о чем не слышал. И если военный цензор выкинул из газеты сообщение о «беспорядках», значит, ни Россия, ни немцы ничего ни о чем знать не будут. Но немцы обо всем этом знали совершенно *точно*, а Россия была переполнена слухами, раздувавшимися до полного безобразия.

Слухи, во всем их разнообразии и великолепии, проникали, конечно, и в казармы Кексгольмского полка. В этих казармах были, конечно, и революционные агитаторы. Лично я не мог отметить их присутствия — само собою разумеется, что при мне они никакой

пропаганды не вели. Но влияние этой пропаганды совершенно ясно чувствовалось из тех вопросов, которые ставили солдаты: и о беспорядках на Выборгской стороне, и о «распутинском влиянии», и о генеральской измене, и о том, что Царица «все-таки немка, вот нам — Россию жалко, а ей, может быть, жалко Германию...».

Моим командиром был барон Тизенгаузен — я сейчас не помню его чина. Это был атлетически сложенный человек, очень выдержанный и очень толковый. Он сумел установить — в меру своих возможностей — прекрасные отношения с солдатской массой, и может быть, именно поэтому Кексгольмский полк никакой революционной активности не проявил. Но атмосфера была убийственной. Я пошел к барону Тизенгаузену и сказал: «Так что же это такое — пороховой погреб?» — «...Совершенно верно: пороховой погреб. И кто-то подвозит все новый и новый порох. Нас — шесть офицеров на три тысячи солдат, старых унтер-офицеров у нас почти нет — сидим и ждем катастрофы».

В общем выяснилось, что бар. Тизенгаузен докладывал об этом по служебной линии: не получилось ничего. Пытался действовать по «светской» линии — тот же результат. Бар. Тизенгаузен посоветовал мне пустить в ход «нововременскую» линию. Я попробовал. Доложил М. А. и Б. А. Сувориным о положении дел и о моем разговоре с бар. Тизенгаузеном. По существу все это братья Суворины знали и без меня, но я был живым свидетелем, непосредственным очевидцем, а мои репортерские способности в редакции ценились очень высоко. Словом, и М. А. и Б. А. Суворины пришли в действие: к кому-то ездили, с кем-то говорили — во всяком случае, с Военным Министерством и генералом Хабаловым. Ничего не вышло. М. А. о результатах своих усилий не говорил почти ничего, а Б. А. выражался с крайней степенью нелитературности. М. Палеолог в записи от 5 ноября 1916 г. (с. 75) повествует о своем разговоре с каким-то генералом В. — фамилии его он не называет. Ген. В. говорил французскому послу:

«Петроградский гарнизон ненадежен... Неделю тому назад было восстание на Выборгской стороне... Но я не вижу никакого намерения вывести этот гарнизон из Петрограда и заменить его надежными частями. По моему мнению, уже давно нужно было расчистить петроградский гарнизон... Знаете ли вы, что в нем по меньшей мере 170.000? Они не обучаются, у них плохое командование, они скучают, и они разлагаются... Это — готовые кадры для анархии... Нужно было бы оставить в Петрограде тысяч сорок из лучшего элемента гвардии и тысяч двадцать казаков. При такой элите можно было бы справиться с любыми событиями. А если нет...»

«Его губы дрожали — продолжает М. Палеолог. — Я дружески просил его продолжать. Он продолжал:

«Если Господь Бог не спасет нас от революции, то эту революцию сделает не народ, а армия».

Ген. В. был не совсем прав: конечно, не «народ» сделал революцию, но и «армия» была в ней ни при чем: петроградский гарнизон армией, конечно, не был. Несколько спорен вопрос, были ли армией те генералы, которые устраивали из столицы Империи пороховой погреб?

Приблизительно в то же время Государь Император сместил с должности ген. Безобразова за истинно безобразные потери в боях у Ковеля и Владимира-Волынского (Ольденбург, с. 240). Совсем недавно ген. Б. Хольмстон писал в «Суворовце» о том, как гвардию *бессмысленно* губили на Стоходе. Итак, для бессмысленных потерь — гвардия была, для охраны Монархии и, следовательно, России — ее не было. Информация об этих боях и о смещении ген. Безобразова в прессе не появилась — все та же военная цензура. Но само собой разумеется, что об этом знал «весь Петроград» и об этом знали и все казармы. Информационные ходы были очень просты: германская разведка и германская пропаганда. Были, конечно, и иные ходы, но в казармы, по-видимому, попадала главным образом германская пропаганда: «Вот-де ваши генералы продались немцам и шлют вас на верный убой». По моим наблюдениям германская информация имела довольно неожиданный результат: престиж Государя Императора, который и до того в солдатской массе находился вне каких бы то ни были сомнений, поднялся на небывалую до этого высоту. Правда, с комментариями: «Вот только Царь и заботится и о нас и о России...» Комментарии о генералах приводить не стоит.

«ВETERАНЫ»

Настроение армии — в особенности ее тыловых формирований — было до чрезвычайности осложнено одним фактором, о котором во всей литературе, посвященной революции, я не нашел ни одного слова. Дело заключалось в том, что последние предреволюционные призывы включили в армию «ветеранов» Русско-Японской войны. Вся солдатская масса не могла не проявить самого острого интереса к боевому опыту этих ветеранов. Опыт был очень пессимистическим. Да, армия дралась героически, да, армия пролила ни с чем не сообразное количество крови,

но война все-таки была проиграна. Та декламация о доблести и прочем, которая так принята в наших военных кругах, совершенно естественно, не имела никакого хождения в солдатской массе. «Ветераны» Русско-Японской войны стояли в общем на той точке зрения, что «начальство» не годится никуда, — даже по сравнению с японцами,— а что уж там говорить о немцах. «Ветераны» были правы. И если ген. В. Ипатьеву в его политических соображениях, не стоит верить ни одному слову, то его профессиональные наблюдения интереса не лишены. В своей книге (т. 1, с. 45) он пишет о том, как он, еще молодым офицером, окончив Михайловское артиллерийское училище, был выпущен в стоявшую в Серпухове, то есть под Москвой, артиллерийскую бригаду.

«Усовершенствованиями, которые разрабатывала наука для повышения боевой способности артиллерии, наши офицеры *не интересовались*, и о них никто, не знал... Командир моей батареи, *совершенно не имевший представления* о правилах стрельбы... С командирами других батарей выходили прямо анекдоты, и нам, молодым офицерам, было положительно совестно перед солдатами за незнание ими артиллерийского дела... В таком состоянии наша полевая артиллерия оставалась до Русско-Японской войны... *Полное незнание* тактических приемов вело к тому, что наша артиллерия была бессильна бороться против японской, которая быстро приводила ее к молчанию».

Отзывы ген. Ипатьева — профессиональные отзывы о высшем командовании армией — *убийственны*, и они соответствуют действительности. В том же томе, с. 285, он пишет о его «невежестве», о «полной несостоятельности», о «неспособности командовать армией», об «ошибках, за которые офицер был бы немедленно исключен из военной академии»...

Это пишет генерал и профессор, наблюдавший события, так сказать, сверху. «Ветераны» в свое время наблюдали их *снизу*. В. Ипатьев мирно получал свои ордена, солдатская масса платила своей кровью. В.Ипатьев констатирует «невежество» высшего командования, солдатская масса ощущала это невежество на своих костях. Выводы были приблизительно одинаковы: «все равно начальство и нас погубит и Россию погубит». Это не было *революционным* настроением. Даже и петроградский пролетариат в своем подавляющем большинстве никак не стоял за «долгой самодержавие». *Но вся страна* была совершенно единодушна: «начальство это пора менять, — как сказал мне один из «бородачей», — и чего это Царь смотрит, давно в шею пора это начальство гнать».

Я не думаю, чтобы наиболее острые «комментарии» такого стиля делались бы в моем присутствии. Лично я старался «агитировать» за начальство: шла война, и «менять начальство» было не время. Я говорил «бородачам»: «Да, допустим, что наше начальство знает свое дело хуже немецкого, так ведь и ты, Иван Митрич, знаешь свое дело хуже немца». — «А это почему?» — «Да вот потому, что немец снимает с десятины по двести пудов, а ты, пожалуй, и пятидесяти не снимаешь». На то бородачи отвечали: «Да ведь только вчера из крепостных выпустили, машин у нас нет, подати» — словом, куренка выпустить некуда.

Моя агитация действовала плохо или не действовала совсем. Мнение о начальстве было всеобщим — в особенности о военном начальстве. И военный министр Редигер, и редакция «Нового Времени», и солдатская масса, — о левых я уже не говорю, — все придерживались одного и того же мнения. Того же мнения, если верить ген. Мосолову, придерживался и Государь Император. В редакции «Нового Времени» была довольно туманная информация о том, что Государь Император планировал — после окончания войны — заняться полной реорганизацией военного и административного аппарата страны. Но об этом, конечно, никто ничего конкретного не знал — были только слухи. Но, может быть, эти слухи тоже послужили толчком к дворцовому перевороту? Одно из «трагических противоречий русской жизни» заключалось именно в том, что «начальство» устарело до полного неприличия, а заменить его в те времена было еще нечем. Это есть *основной* фактор и наших военных неудач, и наших революций. Стоя на тротуарной точке зрения, можно, конечно, вешать всех собак на Милюкова, или все ордена на Деникина, или наоборот. Но если попытаться подняться над этой точкой зрения, то общая картина будет в достаточной степени ясна: правящий слой устарел и модернизоваться то ли не хотел, то ли не мог. Офицерский состав армии выслуживал свои лета, но не рассматривал себя в качестве профессионалов войны — он был «военным *сословием*». Он считал себя «доблестным» — прилагательное, которое не говорит решительно ничего. Генерал должен быть волевым человеком, должен быть *умным* человеком, должен быть *культурным* человеком, должен *знать* свою профессию,— а до его доблести никому никакого дела нет. И если говорить о доблестном генерале, то это значит только то, что ничего более лестного о нем сказать нельзя.

НА ПЕРЕЛОМЕ

С конца русско-японской до начала русско-германской войны русская армия совершила гигантский скачок вперед. И если в японскую войну русский артиллерийский офицер был хуже даже и японского, то в германскую он был лучше даже германского, — кажется, стал вообще лучшим артиллерийским офицером мира. Но если в 1904 году у него не было *знаний*, то в 1915 у него не было *снарядов*, — так что практически получилось то же самое. И с точки зрения «бородачей» виновато было «начальство»: «а начальство чего же смотрело?» Дальше: если для «модернизации» низшего командного состава было достаточно пяти-семи лет, то для модернизации среднего нужно было лет десять—пятнадцать. Для модернизации высшего — лет двадцать—тридцать. Получалась *диспропорция*: чем выше по «табели о рангах», тем все хуже и хуже. Диспропорция была дана *исторически*: ген. А. Деникин в «Старой Армии» пишет, что его сверстники по чину жили еще психологией крепостного права, — а эта психология означает не только «социальную», но и *техническую* отсталость. Взяв на себя роль Верховного Главнокомандующего вооруженными силами Империи, Государь Император никак не ограничивался «ролью». Он командовал и в самом деле, оставив ген. М.Алексееву только техническое проведение Его военных планов. А Государь Император был все-таки самым образованным человеком России. Может быть, и самым образованным человеком мира.

Конечно, что есть образование? Если считать им запас цитат, накопленных в любой профессорской голове, то самым образованным человеком России был проф. П. Н. Милуков: он, если верить его биографам, писавшим, правда, в его же собственной газете, знал все: от истории мидян до теории контрапункта. Что никак не помешало П. Милукову — в 1916 году говорить о «глупости или измене», в 1917-м звать к *завоевательной* войне, в 1919-м вести кампанию против Белой Армии и в 1936-м звать эмигрантскую молодежь к возвращению в Россию: «бог бестактности». Государю Императору преподавали лучшие русские научные силы — и историю, и право, и стратегию, и экономику. За Ним стояла традиция веков и практика десятилетий. Государь Император стоял, так сказать, на самой верхушке уровня современности — вот посещал же лабораторию Ипатьева и подымался на самолете И. Сикорского, был в курсе бездымных порохов и ясно видел роль авиации — по тем временам авиация считалась или делом очень отдаленного будущего, или, еще проще, — прожектерской затеей. Государь Император

сконцентрировал свои силы на победе — довел армию до полной боевой готовности — дело только в том, что об Его усилиях и о Его квалификации *никто ничего не знал*.

Я не хочу рисовать старую Россию ни в черных тонах, как это делают левые, ни в белых, как это делают правые: нужно дать не черно-белую, а *цветную* фотографию, — цвета же были очень пестрыми. С одной стороны Д. Менделеев с периодической системой элементов. И. Сикорский с «Ильей Муромцем», Циолковский, сейчас забытый, с его ракетными двигателями; с другой стороны — Царь, который верил в Народ. И Народ, который верил в Царя. И посередине «средостение», которое, за очень редкими исключениями, не годилось никуда. Думаю, что самым идиотским учреждением этих лет была все-таки цензура.

До войны в России существовала полная свобода печати, — я бы сейчас сказал, гипертрофированная свобода печати. Во время войны, как и во всех воюющих странах мира, была введена военная цензура. Туда была запихана всякая заваль из всего того, что имелось в военном ведомстве. Эта цензура не только цензурировала, она, кроме того, и *давила*, — и официально и неофициально. Редакция посылает свой материал в цензуру, и цензор может вернуть его через час, но может вернуть и через три часа, — то есть когда материал уже запоздал для ротационной машины. Давить на правую печать было трудно. На левую намного легче. Поэтому получался еще один парадокс — правое «Новое Время» было весьма сдержанно в своих военных обзорах и корреспонденциях, — левая печать захлебывалась от военного патриотизма. В левом «Русском Слове» расстрига Г. Петров стал военным корреспондентом и обозревателем, и сам, единолично побил и в полон забрал в три раза больше немецких солдат, чем их существовало в реальности. Мой подсчет по этому поводу цензура все-таки зарезала. Блестящий рождественский рассказ А. М. Ренникова в «Новом Времени» в 1916 году был посвящен раскаявшемуся военному корреспонденту. Словом, в печати установился тон, которому уж решительно никто не верил, примерно тот тон, какой ныне принят в некоторых органах печати по адресу белых армий: доблести хватило бы на весь мир, а война, извините, все-таки проиграна. К осени 1916 года русская армия была наконец вооружена. Ген. В. Ипатьев пишет (с. 554):

«Войну мы свободно могли продолжать еще очень долгое время, потому что к январю и февралю 1917 года мы имели громадный запас взрывчатых веществ в миллионах различных снарядов и, кроме того, более миллиона пудов свободных взрывчатых веществ».

Кстати, этот подъем русской химической промышленности — из почти ничего до миллионов пудов — был сделан усилиями *частной* промышленности, а не казенной. В 1915 году частные заводы повысили свою продукцию с 1,4 тыс. пудов в феврале до 74,0 в октябре. Казенные за то же время — с 5,0 до 11,5 (там же, с. 454).

Это еще одна иллюстрация к вопросу о государственном «общественном» хозяйстве и о частной «капиталистической» инициативе. Отсутствие частной инициативы — и во время мира, и во время войны — оплачивается миллионами человеческих жизней и голодом для остающихся миллионов.

Государь Император относился с величайшим вниманием к мобилизации или, точнее, к стройке русской военной промышленности — отдавая этому делу и массу внимания, и громадные средства, но главная техническая заслуга лежит все-таки на А. Гучкове и В. Ипатьеве. Если А. И. Гучков был, конечно, душой и мозгом февральского переворота, если ген. В. Ипатьев сейчас повторяет клевету на Царскую Семью, — то это *никак* не исключает огромной организационной работы и А. Гучкова и В. Ипатьева для вооружения русской армии. Черно-белую фотографию — даже еще и на контрастной бумаге — я предоставляю прессе, предназначенной для тротуарного уровня.

Во всяком случае, к зиме 1916 года и тем более к весне 1917-го русская армия была наконец вооружена до зубов. И об этом *нельзя* было писать. *Нельзя* было сказать и стране, и армии, и петроградским «бородачам», что теперь уж русский артиллерист имеет достаточное количество артиллерии и что он уж не подведет, что это есть все-таки лучший артиллерист в мире и что за ним где-то лежат «миллионы снарядов». В цензуре сидели, конечно, гениальнейшие генералы старого времени, — и они предполагали, что обо всем этом немецкая разведка, которая пронизывала весь Петроград, не имела никакого представления. Как документально выяснилось впоследствии, немецкая разведка имела не только общее представление, но и точные цифры. А вот ни страна, ни армия, ни «бородачи» ничего этого не знали. Предыдущая же «урапатриотическая» пропаганда подорвала всякое доверие и к тем намекам, которые все-таки просачивались в печати.

Словом, сидели набитые, как сельди в бочке, «бородачи», и среди них вели пропаганду и «великосветские салоны», и Пуришкевичи, и Керенские, и большевики, и, конечно, через большевиков, немцы. И никакого противодействия этой пропаганде не было. Весь Петербург талдычил об «усталости от войны». Совершеннейший вздор: Великую Северную войну Россия вела 21 год. Вторую Мировую Советы вели почти

четыре года, — Карл XII дошел до Полтавы, Гитлер дошел до Волги, и никакая «усталость» не помешала — ни Полтаве, ни Берлину. В феврале 1917 года чисто *русской* территории немцы не занимали, — если не считать небольших клочков в Белоруссии и на Волыни. Еды в России было сколько угодно, — продовольственный экспорт был прекращен, — и только в Петрограде были некоторые перебои. Но был правящий слой, который хотел, победы, но который хотел победы *для себя*, а не для России и который подорвал Россию с обеих сторон. И слева, и еще больше — справа. Вот почему моя *цветная* фотография не нравится никому.

* * *

В общем, все тонуло в болоте правящего слоя. Тонули в крови фронтовики, тонули в тревоге и неведении «бородачи», и вся Россия тонула *в слухах*: «слабовольный Царь, истеричная Царица, влияние Распутина, немецкий шпионаж...» И вот на этом психологическом фоне прозвучал *первый выстрел русской революции* — убийство Распутина. Оно подтвердило самые худшие слухи: если уж такие монархисты, каким был В. М. Пуришкевич, и такие Великие Князья, каким был Дмитрий Павлович, берутся за огнестрельные доводы, — *значит*, дело дрянь. Впечатление в низах было ужасающим: вот до чего дошло!

Так наш правящий слой реализовал стратегическую доктрину Клаузевица-Ганнибала: охват с левого фланга, охват с правого фланга, прорыв центра, и — *самоубийство*.

Это было — *справа*. Слева шла, в частности, травля министра внутренних дел А. Д. Протопопова. Если вы дадите себе труд просмотреть литературу того времени или литературу о том времени, то, вероятно, вы отметите странную черту: вся атака левых — против А. Д. Протопопова. Никаких мало-мальски конкретных обвинений ему не предъявлялось. Кроме одного: он-де был «распутинским ставленником». До его назначения министром, он был избран товарищем председателя Государственной Думы. Что ж, и Государственная Дума избирала его под распутинским влиянием? Его считали «изменником своему лагерю», — на этот раз левому. Дело же заключалось в том, что А. Протопопов был, может быть, единственным свежим человеком среди рухляди правящего слоя, и именно он докладывал Государю Императору о настроениях петроградского гарнизона и о том, что положение в Петрограде «является угрожающим». На основании этой информации. Государь Император

повелел ген. В. Гурко убрать из столицы ненадежные части и заменить их гвардейскими частями с фронта. С. Ольденбург пишет (с. 240):

«Ни градоначальник, ген.-майор Балк, ни командующий войсками Округа, ген.-лейтенант Хабалов, не считали положение дел угрожающим. Ни ген. Гурко, ни ген. Балк, ни ген. Хабалов повеления Государя Императора *не выполнили*, сославшись на то, что в казармах совершенно нет места, а запасные батальоны некуда вывести».

Итак: об «угрожающем положении» докладывал Государю Его министр. Об этом положении французскому послу говорил ген. В. Об этом положении практически говорил весь Петроград. И три генерала не могли найти места для запасных батальонов на всем пространстве Империи. Или места в столице Империи для тысяч двадцати фронтовых гвардейцев.

Это, конечно, можно объяснить и глупостью. Это объяснение наталкивается, однако, на тот факт, что все в мире ограничено, — даже и человеческая глупость. Это была *измена*. Заранее задуманная и заранее спланированная. Маршевые батальоны из столицы выведены не были, — им, видите ли, не хватало места во всей России, гвардейские части в столицу переброшены не были, — им, видите ли, не хватало места в столице. Полиция, почти безоружная, и учебные команды насчитывали в своем составе 10 000 человек — против по меньшей мере двухсот тысяч ненадежного гарнизона, — *не считая* «вооруженного пролетариата».

Петроградские заводы и склады были переполнены оружием, сработанным для действующей Армии. Это оружие практически находилось в руках «пролетариата». Советская история СССР несколько туманно указывает на то, что «рабочим удалось захватить 40 000 винтовок». Хотел бы еще и еще раз повторить: петроградский пролетариат, несмотря на всю его «революционную традицию», *никакого* участия в Февральских днях не принимал. К сожалению, в данный момент я не могу это доказать. На поверхность революционных дней выплыл какой-то *нерусский* сброд, который уже *после* отречения Государя Императора заботился главным образом об одном: как бы внести возможно больше хаоса. По всей вероятности, всего этого мы не узнаем *никогда*: и немцы, которые финансировали большевиков, и большевики, которые получали деньги от немцев, сделали или еще сделают все, что только возможно, чтобы следы этой позорной коммерческой сделки уничтожить начисто. Но тысяч пять такого сброда в столице все-таки нашлось.

Полиция была, в сущности, совершенно *безоружна* — револьверы и шашки. О гарнизоне я уже говорил. Оставались «учебные

команды», да и те были под командованием генералов, которые повелений Государя Императора *не выполняли*.

Государь Император был перегружен сверх всякой человеческой возможности. И помощников — верных и культурных помощников — у него не было. Он заботился и о потерях в армии, и о бездымном порохе, и о самолетах И. Сикорского, и о производстве ядовитых газов, и о защите против еще более ядовитых «салонов». На Нем лежало и командование Армией и дипломатические отношения, и тяжкая борьба с нашим недоношенным парламентом, и Бог его знает что еще. И вот тут-то Государь Император допустил *роковой* недосмотр: *поверил* генералам Балку, Гурко и Хабалову.

Именно этот *роковой недосмотр* и стал исходным пунктом Февральского *дворцового переворота*.

А этот дворцовый переворот стал, в свою очередь, исходным пунктом не для одной и воображаемой Февральской революции, а для всего того революционного *процесса*, который, начавшись свержением Царя, сейчас привел нас всех к порогу Третьей Мировой войны.

О поведении ген. Хабалова могут быть, конечно, разные мнения: наиболее лестное сводится к тому, что в февральские дни он «растерялся». Акад. В. Н. Ипатьев приводит другой, на этот раз истинно классический, случай генеральской растерянности. В томе II, на с. 9 он рассказывает о заседании, на котором присутствовал он сам. Заседание происходило у военного министра ген. Беляева, 22 февраля, и было посвящено вопросу о надвигающихся «беспорядках». Для предотвращения распространения этих беспорядков на весь город «растерявшийся ген. Беляев не нашел предложить ничего более умного, как... развести мосты через Неву», — это в феврале, когда по Неве не только люди, а и трамваи ходят. Чем же все это было? Растерянностью или *планом*?

Попробуйте соединить все отдельные точки этого плана в одну линию: срывается вооружение полиции, в столице концентрируются сотни тысяч заведомо ненадежных людей, НЕ выполняется Высочайшее повеление об их уводе, НЕ выполняется Высочайшее повеление о переброске гвардии, НЕ выполняется Высочайшее повеление о подавлении бабьего бунта. И в качестве исходной идеологической базы этого «плана» стоит распутинская легенда, вышедшая из *тех же* кругов.

Легенда — исключительно живучее существо. Легенда о распутинском влиянии живет и до сих пор, хотя советские данные (см. у Ольденбурга на с. 193) не оставляют *абсолютно никакого* сомнения в том, что никакой политической роли Распутин не играл. Легенда выросла,

как писал крайне правый историк русской армии А. Керсновский, «из августейших салонов». Тот же акад. В. Ипатьев повторяет ее в своих мемуарах, и повторяет ее как не подлежащий никакому сомнению факт. Итак: академик, царский генерал, один из крупнейших химиков современности, сообщает *американской* аудитории о слабости и бездарности Царя, о влиянии Царицы на Царя, и Распутина — на Царицу и о том, что в общем и целом русскую политику определял Распутин. Кто из американцев не поверит академику Ипатьеву и кто поверит И. Солоневичу и С. Ольденбургу? В. Ипатьев рекомендует себя как человека, стоящего вне политики, как химика и философа. И в качестве доказательства распутинского влияния приводит такой факт (с. 411, том I): «супруга одного «почтенного генерала» просила отправить ее мужа в Крым на казенный счет в поезде для раненых. Получив от Красного Креста отказ, она, вместе со своей сестрой, очень милостивой женщиной, вдовой тоже генерала, отправляется к Распутину и устраивает своему мужу бесплатный проезд». Есть маленький намек на то, что протекция была оказана не вполне бесплатно. Итак, вот вам «влияние». Проезд из Петербурга в Крым стоил первым классом, вероятно, рублей пятьдесят, и за пятьдесят рублей жена и вдова генерала («обе состоятельные женщины»), отмечает ген. Ипатьев) идут к «старцу». Других примеров у академика Ипатьева *нет*. Едва ли кто-либо из его американских читателей уловит полную несообразность этого примера. А легенда укреплена еще больше: выдающийся ученый, царский генерал, беспристрастный человек, стоящий вне партий и вне политики... И вот *даже он...* Повторяю еще раз: выпуская книгу, проф. В. Ипатьев мог и был *обязан* навести кое-какие справки, мог проверить слухи по материалам послереволюционной Следственной комиссии. Убийство Распутина превратило легенду в факт: не из-за прихоти же, в самом деле, люди пошли на убийство! Очень вероятно, что та историческая наука, которая когда-то наконец появится у нас, очень многое объяснит общественной *истерикой*. Очень может быть, что какие-то данные мы узнаем еще и о немецких махинациях в России. Всех их, по-видимому, мы не узнаем никогда, — по крайней мере, достаточно подробно и документально. В 1921 году П. Струве, тогда уже законченный монархист, писал в «Русской Мысли»:

«Германия, которой в русской революции принадлежала роль устроителя и финансирующей силы, создала целую литературу о ней, в связи с государственным банкротством России. Это были теоретические проекты того разрушения России, за которое во время Мировой войны Германия взялась практически».

Это было написано за двадцать лет до германо-советской войны, в которой «теоретические проекты разрушения России» приняли окончательно *звериный* характер. Но еще и сейчас, и после этой войны, находятся русские и даже «национальные» публицисты, которые проливают слезы по нюрнбергским висельникам, строят совершенно *детские* легенды об «английском заговоре» и все еще мечтают то ли о генерале Эйхгорне, то ли о партайгеноссе Кохе. «Кого Бог захочет погубить — отнимет разум». Кого Бог продолжает губить — разума не возвращает.

Лично я думаю, что в подготовке Февраля немецкие деньги никакой роли не играли. Эту подготовку вели люди, которые, как и цареубийцы 11 марта 1801 года, не нуждались ни в каких деньгах: богатейшие люди России. Но подпольный мир Обводного Канала, ночлежек, притонов, отчасти и случайных новых рабочих петроградской промышленности, был использован немецкими деньгами до конца. Однако все это было уже *после* Февраля. Сейчас я говорю *только* о Феврале. В феврале месяце Петроград представлял собою пороховой погреб, к которому оставалось поднести спичку. Роль этой спички, или детонатора, или «случая» — называйте как хотите — пришлась на долю чухонских баб. Так что при добром желании историю Февраля можно редактировать так: в Февральской революции виноват А. Керенский. Но можно редактировать и иначе: Февральскую революцию сделали чухонские бабы Выборгской стороны.

ДЕТОНАТОР ПРИ ПОГРЕБЕ

Итак: концентрацией в столице тысяч двухсот всякого рода белобилетников и бытовой обстановкой, в которую эти белобилетники были поставлены, в этой столице был создан пороховой погреб. Ни левые вообще, ни Государственная Дума в частности, — *никто* кроме «военного ведомства» этого погреба создать не мог, хотя бы уже просто технически. Было ли это демонстрацией «глупости» или подготовкой «измены» — каждый может решать по-своему, — но *третьего* объяснения нет. И вот при этом погребе, на этот раз уже автоматически, сам по себе, создался и «детонатор»: чухонское бабье Выборгской стороны.

На эту тему ни в одной, «истории революции» я не нашел никаких указаний и никакой статистики. Дело же заключалось в том, что призывы в армию оставляли в петроградской промышленности огромный людской пробел: никаких льгот по призывам военная промышленность не

получила, а Петроград был главным образом центром металлургической промышленности. Нехватка вооружения *отчасти* объясняется нехваткой рабочих. В Петрограде эту нехватку кое-как восполнял приток женских рабочих рук из окрестностей Петрограда. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, в статье «Санкт-Петербург» — в подстрочном примечании сказано, что из ста жителей окрестностей Санкт-Петербурга в 1897 году 96 показали своим родным языком не русский язык (привожу по памяти, но *точно*). Именно этот элемент несколько позже, в марте и апреле 1917 года тащился с санками и салазками. в заводууправления получить «недополученную» заработную плату за все время работы, — в представлении этих чухонек эту заработную плату можно было вывезти только на санках — никаких карманов или даже корзин для нее не хватило бы. 23 февраля 1917 года был «Международный женский день», кое-как использованный большевиками: чухонские бабы вышли на улицы Выборгской стороны и начали разгром булочных. Так что если следовать по стопам некоторой части нашей публицистики и из всех звеньев русской революции выбрать одно — по вкусу и усмотрению своему, то можно сказать и так: русскую революцию начало чухонское бабье.

Мсье Талейран, сидя в эмиграции, говаривал: «Во французской революции виноваты все — то есть никто». Этот афоризм можно, конечно, оспаривать, но нет никакого сомнения, что кн. С. Волконский прав: Россию губили *с обеих сторон*. И можно было бы добавить: и из центра.

Знаменитый Клаузевиц всю свою жизнь анализировал Канны. Стратегическая идея Канн была очень проста: охват обоих флангов и прорыв центра. В результате этого стратегического маневра римская армия была почти поголовно истреблена. Канны не помешали тому, что Ганнибалу пришлось искать спасения в бегстве и потом покончить жизнь самоубийством. Сейчас можно с достаточной степенью обоснованности предполагать, что у Ганнибала охват флангов и прорыв центра просто вышел сам по себе — ни до, ни после Канн этот маневр не удастся ни одному полководцу истории. Но в 1916—1917 годах наш *обезумевший* правящий класс (см. А. Мосолова), сам не отдавая себе *никакого* отчета в том, что именно он делает, повторил ганнибальский маневр, с тем чтобы потом разделить и ганнибаловскую судьбу: охват русской государственности с обоих флангов — и слева и справа, и прорыв ее центра — дворцовый переворот. Маневр, как мы уже знаем, удался блестяще: сидим мы все, уцелевшие, в эмиграции и решительно не знаем, где именно мы будем сидеть завтра. И всякий из уцелевших — по собственному благоусмотрению своему — ищет виновников там, где ему благоугодно. Левые — в Государе Императоре, правые — в А.

Керенском. Впрочем, некоторые правые, вот вроде Ипатьева, не щадят и памяти Государя Императора, а некоторые левые, вот вроде П. Сорокина или Р. Абрамовича не очень стесняются и с А. Керенским. Историки революции занимаются бирюльками — «повестью о том, как поссорился Иван Иванович Милуков с Иваном Никифоровичем Маклаковым». Сущность же вопроса заключается в том, что на этом отрезке исторического времени скрестились две *несовместимые* линии развития: безусловная необходимость для страны сменить свой правящий слой и такая же невозможность менять его во время войны и подготовки к войне. Монархия стремилась пройти это «узкое место» эволюционным путем. Не прошла. Разные люди играли в этом вопросе разную роль. Сейчас, когда процесс завершен, нам он кажется «исторически предопределенным», но это древний спор между детерминизмом и индетерминизмом, спор, для которого на страницах газеты места нет. Разные люди играли разную роль. Основной пружиной революции был, конечно, А. И. Гучков. Основной толчок революции дали, конечно, чухонские бабы. Чухонские бабы не имели, конечно, никакого понятия о том, что именно они делают. Горькая ирония истории заключается в том, что А. И. Гучков понимал никак не больше чухонских баб.

«КАННЫ» А. И. ГУЧКОВА

Итак, все фигуры на шахматной доске заговора — самого трагического и, может быть, самого гнусного в истории человечества, были уже расставлены. С самых верхов общества была пущена в самый широкий оборот клевета о Распутине, о шпионаже, о вредительстве, — клевета, которую даже и В. М. Пуришкевич самоотверженно развозил по фронтам. Вся гвардия была заблаговременно убрана из столицы — и ее «бессмысленно губили на Стоходе», как писал ген. Б. Хольмстон. Действительно, губили — совершенно бессмысленно. Ибо отход русских армий вызывался не нехваткой бойцов и, еще меньше, нехваткой у них мужества, а просто недостатком вооружения: этот недостаток никакая гвардия, конечно, восполнить не могла. Гвардия была заменена «маршевыми батальонами», для размещения которых не нашлось, видите ли, места во всей России. Предупреждение Протопопова, предупреждение прессы, приказы Государя Императора не помогли ничему: маршевых батальонов из столицы не удалили.

Приказов Государя о переброске в столицу гвардейской кавалерии не выполнили. Столица была во власти «слухов» и в

распоряжении маршевых батальонов. Не хватало одного: повода. Так, в 1914 году Германия Вильгельма Второго довела свою боевую готовность до последнего предела и войны откладывать не могла. Раздался «саравский выстрел». Если бы не было его, нашлось бы что-то другое. Если бы не нашлось чего-то другого, было бы спровоцировано что-то третье: времени терять было нельзя.

В феврале 1917 года в Петербурге — не только в нем одном — действительно начались хлебные «перебои». Их обострили все те же слухи: хлеба скоро вовсе не будет. Обыватель бросился закупать и сушить хлеб в запас. В литературе были указания на сознательную подготовку этих перебоев. Указания эти проверить невозможно. М. Палеолог сообщает, что в результате исключительно жестоких морозов в январе и феврале — 57 тысяч вагонов с хлебом застряли на железнодорожных путях, — это больше пяти миллионов пудов хлеба. Революционная пресса — уже после Февраля — сообщала, что Калашниковские склады оказались переполнены зерном, — это очень мало вероятно, так как после «перебоев» Февраля в 1917 году дальнейшие месяцы, и каждый месяц все хуже и хуже, — приносили с собой переход от «перебоев» к просто голоду. Самое вероятное объяснение сводится все к той же предусмотрительности, на основании которой ген. Беляев предлагал развести мосты на покрытой саженным слоем льда Неве. Но, во всяком случае, хлебный бунт был наилучшим поводом к Февралю: хлебные перебои дискредитировали власть в самой гуще населения, а даже и маршевые батальоны автоматически ставились в очень неудобное психологическое положение: стрелять в голодных баб? Одно дело — социалисты и революционеры, другое дело — бабы, которым, может быть, дома детишек кормить нечем. И вот на этом общем фоне А. И. Гучков разыграл то ли свои, то ли не свои «Канны». О заключительном плане этих «Канн» рассказывает почти с полной ясностью сам А. И. Гучков («Падение царского режима», том IV, с. 277-278):

«Я ведь не только сочувствовал этим действиям, но и принимал активное участие. План заключался в том (я только имен называть не буду), чтобы захватить между Царским Селом и Ставкой императорский поезд, вынудить отречение, затем одновременно, при посредстве воинских частей, на которые в Петрограде можно было рассчитывать, арестовать существующее правительство, затем объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят собой правительство».

Это было заключительной частью гучковского стратегического плана. Как мы уже знаем, эта часть была выполнена на сто процентов: императорский поезд оказался отрезанным и от столицы и от армии.

Государь Император оказался в буквальном тупике, и никакого выхода у Него не было. С. Ольденбург пишет (с. 257):

«Поздно гадать о том, мог ли Государь не отречься. При той позиции, которую занимали ген. Алексеев и ген. Рузский, возможность сопротивления исключалась: приказы Государя *не передавались*».

С. Ольденбург выражается не совсем точно: приказы Государя не только не передавались — они отменялись.

Получив наконец достаточно веские данные о положении дел в Петрограде, Государь Император решил лично отправиться в столицу, но перед этим Он отдал приказ об отправке туда шести кавалерийских дивизий и шести пехотных полков — из самых надежных, — плюс пулеметные команды. (На фронте «надежных частей» было сколько угодно.) Ген. Алексеев был против отправки этих частей, считая, что «при существующих условиях меры репрессий могут только обострить положение». По словам того же ген. Алексеева, Государь не «захотел разговаривать с ним» (С. Ольденбург, с. 248). И этот приказ Государя Императора был *сорван*: ген. Рузский своей властью распорядился не только прекратить отправку войск в помощь ген. Иванову, но и вернуть обратно в Двинский район уже отправленные эшелоны. В ту же ночь из Ставки было послано на Западный фронт от имени Государя, предписание: уже отправленные части задержать на больших станциях, остальных — не грузить.

Что касается войск Юго-Западного фронта (*гвардии*), то Ставка еще днем 1 марта сообщила ген. Брусилову, чтобы отправка не производилась до особого уведомления (с. 253)!.. «Меры противодействия революции — отправка войск в восставший Петроград — были отменены *именем* Государя, но помимо Его воли».

Между тем пресловутый Бубликов сам признавал:

«Достаточно было одной дисциплинированной дивизии с фронта, чтобы восстание было подавлено» (с. 251).

Может быть, не нужно было даже и дивизии: там, где «восстание» наткнулось на какое-то сопротивление, оно таяло, как дым: на трубочном заводе поручик Гесса застрелил агитатора, и вся толпа разбежалась, бросив и знамена и лозунги. Так что, может быть, хватило бы и семисот Георгиевских кавалеров ген. Иванова. Но не пустили и их. В Таврическом дворце от времени до времени вспыхивала паника: вот придут части с фронта — и тогда что?

Словом, Государь отдал приказ о переброске в столицу шести кавалерийских дивизий и шести пехотных полков и пулеметных команд,

— и направился в заранее подготовленный для Него тупик. Поезд застрял на станции Малая Вишера — в 150 километрах от Петрограда, потом вернулся на станцию Дно и со станции Дно направился в Псков, в Ставку Северного фронта, которым командовал ген. Рузский.

Там, в Пскове, вечером 1 марта произошла поистине историческая беседа между Государем Императором и ген. Рузским. Нужно иметь в виду, что до этой беседы Государь Император провел сорок часов в поезде и был начисто отрезан от какой бы то ни было информации. В Ставку ген. Рузского Государь Император прибыл, по всей вероятности, как на некий опорный пункт. Сейчас же Он получил телеграмму от ген. Алексева с уже готовым манифестом об ответственном министерстве. Именно этому министерству была, по-видимому, посвящена историческая беседа между Государем Императором и ген. Рузским. Часть этой беседы передает С.Ольденбург по записи князя Васильчикова, со слов ген. Рузского — так что за точность передачи ручаться никак нельзя. До этой беседы ген. Рузский сказал свите Государя Императора: «Нужно сдаваться на милость победителей». И по-видимому, вся беседа была посвящена именно вопросу этой капитуляции.

«Ген. Рузский с жаром доказывал необходимость ответственного министерства. Государь возражал спокойно и хладнокровно и с чувством глубокого убеждения: «Я ответственен перед Богом и Россией за все, что случилось и случится. Будут ли министры ответственны перед Думой и Государственным Советом или нет — безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что делается министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не Моих рук дело...»

«Государь перебирал с *необыкновенной ясностью* взгляды тех лиц, которые могли бы управлять Россией в ближайшие времена... И высказал свое убеждение, что те общественные деятели, которые, несомненно, составят первый же кабинет, все люди совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не сумеют справиться с своей задачей».

Сейчас, тридцать пять лет спустя, мы обязаны отдать должное «необыкновенной ясности» Государя Императора: «деятели» действительно не справились. Но, во всяком случае, со стороны Государя Императора, — если верить этой записи, — это был категорический отказ от «ответственного министерства». С. Ольденбург дополняет этот отказ и своими соображениями: бунт усмирится не уступками, а вооруженной силой. Однако было уже сделано *все*, чтобы вооруженная сила не смогла применить своего оружия.

На следующее же утро ген. М. Алексеев, получив от ген. Рузского телеграмму с изложением этой исторической беседы, поставил вопрос ребром: уже не ответственное министерство, а отречение от Престола. В 10 часов 15 минут 2 марта ген. Алексеев разослал всем командующим фронтами телеграмму следующего содержания:

«Его Величество находится в Пскове, где изъявил свое согласие объявить манифест, идя навстречу народному желанию, учредить ответственное министерство перед палатами и поручить председателю Государственной Думы образовать кабинет. По сообщению этого решения Главкосевом председателю Государственной Думы, последний в разговоре по аппарату в три с половиной часа утра 2 марта ответил, что появление такого манифеста было бы своевременно 27 февраля, в настоящее время этот акт является запоздалым, что ныне наступила одна из страшных революций, сдерживать народные страсти трудно, войска деморализованы, председателю Думы хотя пока и верят, но он опасается, что теперь династический вопрос поставлен ребром и войну можно продолжать до победного конца лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от престола в пользу Сына при регентстве Михаила Александровича, обстановка по-видимому не допускает иного решения, и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания, основанные на том, что армия и работа железных дорог находится фактически в руках Петроградского Временного Правительства. Необходимо спасти Действующую Армию от развала, продолжать до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России, и судьбу Династии нужно поставить на первый план, хотя бы ценой дорогих уступок. Если Вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно через Главкосева, известив меня, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России и что между высшими начальствующими лицами армии нужно установить единство мысли и цели и спасти Армию от колебаний и возможных случаев измены долгу. Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом и решение относительно внутренних дел должно избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который более безболезненно совершится при решении сверху.

Алексеев, 2 марта, 10 час. 15 мин., 8101872».

Одновременно с этой телеграммой ген. Рузский посылает в Ставку телеграмму, в которой сказано, что «при существующей обстановке он не считает возможным сосредоточение железнодорожных

батальонов к Пскову, прибытие же их может лишь только осложнить обстановку». Этим отрезывается для Императорского поезда возможность прорваться в Петроград.

Итак: фронтовые дивизии и полки оставлены. Железнодорожные батальоны оставлены. Ген. М. Алексеев сколачивает единый фронт генералитета уже не для ответственного министерства, а с требованием *отречения*. Ген. М. Алексеев ссылается при этом на данные Родзянки. В распоряжении ген. Алексеева, кроме данных Родзянки, должны были быть и данные военной контрразведки, которая была подчинена Ставке, которая работала действительно скандально плохо, но которая все-таки могла уловить положение в Петрограде — уловил же его пресловутый Бубликов: довольно одной дисциплинированной дивизии, и вся эта охваченная, так сказать, превентивной паникой толпа просто разбежится.

Главнокомандующие фронтами и флотами — за единственным исключением ген. Хана Нахичеванского, поддержали «единый фронт». В телеграммах Государю Императору была вся та фразеология, которую вы еще и сейчас можете найти на страницах крайне правой прессы: и коленопреклонение, и рыдание, и «помощь Божию», и все, что хотите — но во всех них стояло категорическое требование отречения. Государь Император оказался начисто изолированным от армии и от столицы, — как это и планировал А. Гучков. Телеграммы главнокомандующих, во всяком случае, означали одно: отказ от повиновения и от поддержки. Оставалась вооруженная охрана Императорских поездов. Что было делать?

План А. И. Гучкова удался на сто процентов. Дальнейшие проценты он стал приносить впоследствии, — вплоть до сегодняшнего дня. А. И. Гучков в сопровождении В. В. Шульгина приехал в Псков диктовать Императору условия отречения. Этой диктовки Император не принял, — текст отречения написал Он сам.

Так был *закончен* «династический переворот», который, если верить С. Ольденбургу, стал вчерне намечаться еще в столыпинские времена.

В ЧЕМ, СОБСТВЕННО, «ФАЛЬШИВКА»

В течение более чем трех десятков лет склоняется во всех мыслимых и немыслимых падежах «народная Февральская революция». Я, опираясь почти на *правые* источники, а также и на более или менее общеизвестный ход событий 1916—1917 гг., пытался *показать*, что к

Февралю «народ» не имел ровно никакого отношения. И А. Мосолов, и И. Якобий, и С. Ольденбург — люди правые, оперируют все время терминами «дворцовый заговор», «военно-дворцовый заговор», «измена *бродила* вокруг престола». Конечно, и сто тысяч чухонских баб входят все-таки в состав «народа». Входят, конечно, и тысяч двести запасных. В общем и бабы и гарнизон дали бы от одной десятой до одной пятой *одного* процента всего населения страны. Остальных 99%... никто ни о чем не спрашивал. И если ген. Эверт в своей телеграмме утверждал, что «на Армию в ее настоящем составе рассчитывать при подавлении внутренних беспорядков — нельзя», то совершенно очевидно, что — можно ли, нельзя ли — этого ген. Эверт знать *не мог*. Ибо подавлять он и не пробовал. Так же очевидно, что *если бы* даже на всю армию действительно рассчитывать было нельзя, то десяток надежных дивизий для этого, во всяком случае, нашелся бы. Однако «надежные дивизии» в Петроград не пустила Ставка, то есть ген. Алексеев.

Февраль 1917 г. — это почти классический случай военно-дворцового переворота, уже потом переросшего в март, июль, октябрь и так далее... Нет, конечно, никакого сомнения в том, что революционные элементы в стране существовали, — в гораздо меньшем количестве, чем в 1905 г., но существовали. В 1905—1906 гг. их подавили. В 1917 г. их подавлять не захотели. Левые русские деятели несколько лет подряд хвастались своими достижениями Февраля — пока целый ряд документов не оказал с безусловной степенью очевидности, что в *февральских* событиях они были совершенно ни при чем. Дальнейшие события показали, что хвастаться вообще нечем.

Основную «осевую» роль в этом перевороте играл, конечно, генералитет — в этом тоже не может быть ни малейшего сомнения. Без самой активной, технически тщательно продуманной помощи генералитета ни А. Гучков, ни даже пресловутый Бубликов, само собою разумеется, не могли сделать *ничего*. Вопрос заключается в следующем: из каких же соображений действовал русский генералитет?

Самое вероятное объяснение сводится к тому, что политически он был вопиюще *неграмотен*. И очень может быть, что Гучкову и прочим людям Земторга и Военно-Промышленного Комитета, сталкивавшимся с генералитетом, удалось убедить генералов в том, что политика Государя Императора *действительно* ведет Армию к поражению и страну к гибели. Вне всякого сомнения, на этот генералитет производилось очень сильное давление *справа*. Самое снисходительное объяснение всей техники заговора могло бы заключаться в том, что генералитет был искренне уверен в неспособности Государя Императора, во влиянии

Государыни Императрицы (Распутин к этому времени уже отпал) и в том, что «вся страна» настроена против Монарха. Это, конечно, не очень лестное объяснение, но все-таки наименее нелестное, какое только можно подыскать. В неразумно правых кругах имеет хождение вариант об «английской интриге». С. Ольденбург этому варианту не верит: «Весьма мало правдоподобно, чтобы Англия, особенно в такой момент, когда исход войны еще не определен, отважилась бы на *страшный риск* крушения великой союзной державы». М. Палеолог отрицает «английскую интригу» самым категорическим образом и в качестве иллюстрации ссылается на совершенно такую же *легенду* о той же английской интриге, связанную с царевубийством 11 марта 1801 г. Легенду об интриге лорда Уитворта М. Палеолог обрывает самым простым образом — указанием на то, что лорд Уитворт покинул Россию почти за год до убийства Императора Павла Первого. В отношении к Февралю такой способ исключается — сэр Бьюкенен оставался в России очень долгое время и после революции. Однако все указания на «английскую интригу», в том числе и указание ген. Спиридовича, носят замечательно расплывчатый характер. С таким же основанием можно ссылаться на йогов, магов, волшебников и прочих людей того же сорта. *Ни одного* конкретного факта я нигде в литературе не нашел. И кроме того, если даже и была «интрига», то «интрига» распоряжалась русскими генералами, как пешками. Теория политической ошибки может дать «смягчающее вину обстоятельство». Теория «английской интриги» не дает *никакого*. Люди, оперирующие этой последней теорией, просто не дают себе труда *додумать* дело до конца: английская интрига — это значит английское золото. О царевубийстве 11 марта так и говорилось: английское золото. О перевороте Февраля говорится туманнее: просто «интрига». Каким именно способом могла «английская интрига» подчинить себе русский генералитет — об этом, кажется, не говорил никто. Можно как угодно выворачивать наизнанку роковые события Февраля, но, — если придерживаться точки зрения «английской интриги», это будет означать, что русские генералы продали Русского Царя по приказу иностранного посольства. Это, конечно, будет намного хуже политической неграмотности.

ЗАЧЕМ ЭТО НУЖНО?

Нам, народным монархистам, — не «цензовым» и пр., необходимо установить ту *правду*, что между Царем и Народом если и было «средостение», то не было антагонизма. Что если Государь

Император делал для России и для народа все, что только было в человеческих силах, — но и Народ отвечал Ему своим доверием. Что революция — обе революции: и Февральская и Октябрьская вовсе не вышли из народа, а вышли из «средостения», которое хотело в одинаковой степени подчинить себе и Монархию и Народ.

Всякий разумный монархист, как, впрочем, и всякий разумный человек, болеющий о судьбах своей Родины (а в том числе и о своей собственной судьбе), не имеет права подменять факты декламациями и даже галлюцинациями. Мы обязаны установить тот факт, что российская монархия петербургского периода НЕ БЫЛА гармоничной монархией, какой была московская. Что дворцовые заговоры и перевороты шли, собственно, почти непрерывным «фронтом». Будущая Российская Монархия *не может* быть восстановлена не только без «народного голосования», но и без всенародной помощи. Отстраивая эту Монархию в очень тяжелых условиях, — легких условий не видать, — мы *обязаны* учесть все тяжкие уроки нашего прошлого и заранее обеспечить Будущую Российскую Монархию от ее самого страшного врага — внутреннего. И в его самом страшном варианте — коленопреклоненном.

ЕЩЕ О ФЕВРАЛЕ

Ген. А.Спиридович, бывший начальник секретной охраны Императора Николая Второго, сделал в Нью-Йорке доклад на тему о Февральской революции. В «Новом русском слове» помещен отчет об этом докладе — привожу его полностью.

«Государя докладчик считает личностью с высокими моральными качествами. Александра Феодоровна была женщиной неуравновешенной и больной. Распутинство было нездоровое явление, насквозь пропитавшее своим тлетворным духом атмосферу двора. Большинство министров того времени являло собою скопище бездарностей и карьеристов. Революцию вызвали три фактора: заговор Александра Гучкова, английские интриги и германский шпионаж.

Александр Коновалов, Михаил Челноков, князь Львов, Бубликов и А. Гучков подготовили дворцовый переворот. Душою заговора был А. И. Гучков, шедший в своих планах до царевубийства. Переворот должен был совершиться в ноябре 1916 года. Речь П. Н. Милюкова 1 ноября в Государственной Думе должна была послужить сигналом к действиям. Исторические слова Милюкова «глупость или измена», произнесенные с

думской трибуны по адресу двора, потрясли страну. Пуришкевич кипами развозил в своем поезде эту речь и распространял на фронте. Речь эта послужила также и основным мотивом, побудившим князя Юсупова, в сообществе с Вел. Кн. Дмитрием Павловичем и Пуришкевичем покончить с Распутиным. Заговор не был секретом ни для царя, ни для его ближайшего окружения.

Первого января 1917 года А. И. Хатисов, бывший городской голова Тифлиса, предложил от имени заговорщиков трон Вел. Кн. Николаю Николаевичу. Великий Князь, тогда главнокомандующий на Кавказе, после нескольких дней раздумья отказался.

Английский посол Бьюкенен был осведомлен о планах «московской пятерки заговорщиков» и всемерно ей содействовал. Немцы планомерно и систематически разлагали тыл. Клевета, ложь и легенда по адресу монарха и государыни — служили действенным оружием в руках врагов династии. Только профессиональные революционеры не принимали участия в этой кампании наветов и интриг.

Безвластие, растерянность и преступное равнодушие определяют настроение власти. Позорная, хотя и кратковременная, эпопея протопоповщины окончательно расшатывает устои насковозь прогнившего режима. Только армия хранит еще верность монарху и былую мощь.

22 февраля Государь уезжает в Ставку. Его приказ ввести для охраны столицы два конно-гвардейских полка не может быть выполнен. Генералу Хабалову, командующему Петроградским округом, некуда эти части разместить.

24 февраля начались беспорядки в Кронштадте, во время которых был убит адмирал Вирен — по указанию немцев. У убийц находят списки лиц, которых нужно ликвидировать. Во всем — незримая рука германского шпионажа. В тот же день объявляют забастовку 170 000 человек, работавших на оборону. Начинается братание солдат с народом. 25 февраля Государь отдает приказ Хабалову по телеграфу: «Повелеваю завтра прекратить беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией». Но уже поздно.

27 февраля обнародован указ о роспуске Думы. Образуется временный комитет Государственной Думы. В здании Таврического дворца самочинно создается совет рабочих депутатов. Туда же собираются освобожденные из тюрьмы члены рабочей группы Военно-промышленного комитета.

Толпа осаждает казармы. Начинает убивать офицеров. Погромная прокламация с призывом к избиению офицеров задержана

Керенским. Он один умел говорить с толпой, в нем единственном искали спасения от хаоса.

— Керенский самочинно, — уверяет докладчик, — взял пост министра юстиции. Возьми этот пост Маклаков, не миновать бы погрому... Хабалов окончательно растерялся. Не знал, что и как делать. Вместо того, чтобы овладеть Таврическим дворцом, он занялся разработкой диспозиций по охране Зимнего дворца, на который никто не покушался.

Военный министр Беляев послал 29 февраля телеграмму генералу Алексееву о сдаче оружия остатками верных правительству войск. Царское правительство во главе с Голицыным само себя уничтожило: 28 февраля его уже не было.

Революция восторжествовала.»

Как видит читатель, общая оценка февральских событий, данная ген. А.И. Спиридовичем, почти полностью совпадает с моей серией статей о «Фальшивке Февраля». Само собою разумеется, что ген. А. И. Спиридович располагает более полными данными, чем мог располагать я, и что события февраля 1917 года он знает лучше меня. Несколько неясно — в какой именно степени автор отчета — Илья Троцкий — смягчил или выпятил отдельные пункты доклада, который длился два с половиной часа и, конечно, не мог быть передан стенографически. Редакция газеты снабдила этот доклад оригинальным заголовком: «Оправдание Февраля». Остается совершенно неясным — в какой именно степени бездарность, трусость, измена, клевета и предательство являются *оправданием* чего бы то ни было и, в особенности, такого события, которое стало началом всероссийской, а теперь, может быть, и мировой катастрофы. По совершенно такой же системе можно «оправдать» и Октябрь: А. Керенский был де настолько плох, что туда ему и дорога. Но ведь и нам всем — тоже?

Таким образом, если не учитывать неизбежных сокращений отчета, то ген. А. И. Спиридовичу можно было бы задать следующие вопросы:

1. «Коновалов, Челноков, Львов, Бубликов и Гучков подготовили *дворцовый* переворот». — Но *так как* ни один из этих людей не имел *никакого* доступа ни ко Двору, ни к Ставке, то спрашивается, кто, — во Дворе и в Ставке, мог реализовать планы и указания заговорщиков?

2. Какими *техническими* средствами располагало или могло располагать английское посольство для «содействия заговорщикам»?
3. Какую именно роль играло военное командование, без участия которого никакие планы, ни гучковские, ни английские, не могли быть реализованы ни в каком случае?
4. Почему петербургские генералы — Гурко, Хабалов, Балк и пр. НЕ выполнили повеления Государя Императора о выводе ненадежных частей и о присылке гвардии? Ибо совершенно *очевидно*, что «жилищная площадь» тут никакой роли играть не могла.
5. В чем именно выразилась «протопоповщина»? В предупреждении, сделанном А. Протопоповым Государю Императору об угрожающем положении в Петрограде?
6. Какие социальные интересы стояли за спиной тех групп, которые строили распутинскую легенду и протопоповскую легенду, которые не выполняли Высочайших повелений, которые сознательно сконцентрировали в столице горячий материал для беспорядков и, которые как-то совсем уже странно «растерялись»? Ген. Беляев проектировал развести мосты на Неве, а ген. Хабалов — защитить Зимний дворец, на который никто не покушался и, в котором никого не было.

Русская аудитория была бы очень признательна ген. А. Спиридовичу (*Статья эта была напечатана до кончины ген. А. Спиридовича. — Ред.*), если бы он ответил на эти вопросы. А также и на вопрос о петроградском пролетариате — его национальном составе (после мобилизации военных лет) и о мотивах его выступления. Советская история говорит, что забастовки имели экономический характер и что только «наша партия» придала им политический оттенок.

* * *

Все это имеет не только историческое значение. Для Народно-Монархического Движения это является одной из основных исходных точек дальнейшей политической работы. Дело заключается в том, что верхи нашего бывшего правящего слоя, — и в столыпинские времена, и в 1916 и в 1917 гг., и в правительствах Белых Армий продемонстрировали свое полное и моральное и политическое разложение, предав монархию и Россию в 1916—1917 гг. — офицерство и Россию в 1918—1920 гг. Практический вывод из этой блестящей комбинации «глупости и

измены», бездарности и бесчестности, может быть только один: собираясь что бы то ни было предлагать будущей России, мы обязаны сказать ей, что ни наследников, ни осколков, ни подонков этого слоя, ныне занимающихся «национальной» декламацией, — нельзя пускать ни к власти, ни даже на порог власти. Да починут они в мире и в эмиграции. Ибо если они будут допущены к власти или к участию во власти, они повторят то же, что они делали в 1916—1917 или в 1918—1920 гг.: поставят интересы и *психологию* слоя и касты выше национальных интересов России и *продадут* и нас и Россию, — точно так же, как они делали это раньше.

Один из моих друзей пишет мне по поводу моих статей о Феврале:

«Стиль и характер твоей критики «проклятого старого режима» зачастую приводит к мысли о том, что все было настолько безнадежно плохо, что никакой царь, даже Император Николай Второй, несмотря на тот вполне заслуженный им ореол, которым ты Его окружаешь, не мог бы перевести страну на нормальные рельсы. Значит, что же? Нужна была революция? Тут опять «в пылу творчества» ты забываешь указать на те силы, которые могли бы быть опорой для Государя? Или ты этих сил не находишь? И тогда получается, что Царь и был бы бессилен сделать что либо и после войны».

Я критикую не «режим», а «слои».

Помимо купечества была русская интеллигенция, которая во всех областях человеческого творчества дала мировые имена — но которой ходу тоже не было. Самый наглядный пример: было учреждено министерство воздухоплавания, министром был назначен какой-то заваливающий генерал Кованько. Не лучше ли было бы назначить И. И. Сикорского? Но это вызвало бы целую революцию. Был учрежден пост «главнонаблюдающего за физическим развитием» — на этот пост назначили генерала Воейкова, который не понимал в этом абсолютно ничего, и не назначили А. Чаплинского, который был и знатоком и энтузиастом. Но А. Чаплинский тоже вызвал бы «революцию». Слой стоял *плотной* стеной.

Мой корреспондент задает вопрос, который мог бы показаться действительно трагическим: а где же были «живые силы» страны? Везде, где угодно и сколько угодно — везде, *кроме* администрации и, в особенности, армии. Живые силы были в литературе и живописи, в биологии и химии, в технике и промышленности — были везде и были в *огромном* количестве. Кроме того, у нас был *тип* промышленных деятелей, каких нигде больше в мире не было: дельцы-идеалисты, вот,

вроде Потанина или Верещагина (брат художника). Люди, которые строили и промышленность и хозяйство, совершенно не интересуясь личной прибылью. Почему можно предположить, чтобы русский народ, так одаренный вообще, а в государственном отношении, в особенности был бы начисто лишен государственно-строительных «живых сил»? Они *были*. Но ходу им *не было*. Еще бы десять—двадцать лет без заговоров и революций — эти люди все равно пробились бы к власти. Но им ходу не было, да и они сами часто не хотели идти. Когда издателю «Нового Времени» А. С. Суворину было неофициально предложено место в Государственном совете, он отказался наотрез: принять это предложение значило бы погубить газету: марка Государственного совета не делала чести никому.

Все эти деятели оставались *вне власти, вне участия* во власти, и над каждым из них сидел какой-то, прости Господи, губернатор, кое-как окончивший кое-какой суррогат университета, вне «хороших манер» не имевший никакой ни подвижности, ни недвижности. Получался тупик.

Слой можно было ломать. Слой можно было размывать. Эволюция не удалась. Но мы не знаем, — а что получилось бы из «революции»?

Расчет Государя Императора, рассматриваемый сейчас, почти сорок лет спустя, остается все-таки *правильным* расчетом. Кинжал Брута не мог предусмотреть даже Цезарь. Святой Елены не предусмотрел Наполеон. А были — «великие люди». Царя-Освободителя почему-то не называют «великим», хотя абсолютно очевидно, что для России он сделал безмерно больше, чем Наполеон для Франции. У Царя-Освободителя тоже был свой план. Виновен ли Царь-Освободитель в «непредусмотрительности», когда с манифестом о созыве Земского собора в кармане он был убит изуверской бомбой?

* * *

«Оправдание революции»? Нет, нет *никакого* оправдания революции — ни Февралю, ни Октябрю. Нет, *никаких* положительных сторон ни в Феврале, ни в Октябре нет. С почти математической точностью можно рассчитать, что к тридцати годам «слой» был бы все равно смыт жизнью — это только в анабиозе эмиграции он может считать себя еще существующим и даже живым. Нет, революции нет *никакого* оправдания. И в ней не было никакого «народа». Была грязь,

предательство, бездарность, бесчестность — немецкие деньги, английские влияния, безмозглое своекорыстие, — кровь и грязь, грязь и кровь...

В грязи и крови родился Февраль. В грязи и крови погибнет Октябрь, его законный наследник. А платить — придется *нам*. И не только нам: платит и еще будет платить все человечество. Заплачена уже поистине страшная цена, но заплачена еще не вся.

Кровь Царя-Искупителя и на нас и на детях наших. Тут просто ничего не поделаешь. Это уже *факт*.

* * *

В мире случаются и мятежи, и восстания, и даже революции. Вычеркнуть все это из человеческой истории мы не можем. Но мы можем дать оценку, а иногда, найти и оправдание. Революционное движение Италии первой половины прошлого века было обосновано и морально и политически: оно было направлено на борьбу с чужеземным австрийским владычеством, опиравшимся на самые реакционные слои Италии. Пугачевское восстание было оправдано морально, но было бесперспективно политически. «Великая» французская революция имеет свое социальное и моральное оправдание: безумная роскошь двора за счет сплошной нищеты народных масс, финансовые катастрофы, моральное разложение династии. Однако в результате революции Франция с первого места в мире сошла приблизительно на пятое-шестое. Для того, чтобы сделать эту разницу в «местах» наглядной, попробуем представить себе сегодняшнюю Францию, ведущую наступательную войну даже против сегодняшней России. Представить будет трудно. Таким образом, моральное оправдание еще ничего не говорит политически — Франции лучше было бы идти эволюционным путем. Имела свое оправдание, и моральное и политическое, американская революция против Англии. Так что даже и «революции бывают разные». Но русская революция не имела *никаких* оправданий — ни моральных, ни социальных, ни экономических, ни политических. Ее устроил правящий и ведущий слой — университетская, военная, земельная и финансовая знать. И каждая в своих узкоэгоистических интересах. Исходной позицией революции были не «возмущение *народных* масс», не «неудачи войны», — были клевета и предательство. В этом предательстве первая скрипка, конечно, принадлежит именно военным кругам: П. Н. Милоков никому не присягал — военные круги присягали. Но их роль (если «Н. Р. С.» передало доклад ген. А. Спиридовича правильно) докладчик постарался

затушевать — может быть, тоже потому, что все-таки «свои люди». Но абсолютно ясно, что без военных верхов «дворцовый заговор» пяти московских купцов остался бы стопроцентной маниловщиной.

* * *

Я очень хотел бы, чтобы наши друзья — не столько «читатели», сколько друзья, дали бы себе ясный отчет в чрезвычайно *трудном* положении народно-монархической *мысли* в эмиграции.

Будучи *монархической*, эта мысль обязана смывать всю ту клевету, которою и слева и справа облита русская монархия: ибо, — *если* признать, что распутинская легенда была фактом и «кровавый царский режим» был тоже фактом, — тогда монархизм теряет всякий смысл. Тогда он из национально-исторической концепции, основанной на национально-исторической реальности, превращается в *мечту*: ах, как было бы хорошо, если бы у нас была бы такая монархия, какая нам нравится, — безотносительно к тому, возможна ли она не в мечте, а в реальности.

Будучи *народной*, эта мысль *обязана* подняться над предрассудками, вождедениями, интересами, навыками всякой *касты*, — правая русская эмиграция на эти касты раздроблена вдребезги, — отсюда «восемьдесят организаций», и ни одной настоящей.

Будучи *православной*, эта мысль не имеет права ни бороться за свое существование путем клеветы, ни даже «молчанием предавать истину».

Это — *окаянно трудный путь*. Но, если, страха ради иудейска, оставить этот путь, — тогда народно-монархическая мысль превращается в *бессмыслицу*: тогда мы будем повторять старую, до тошноты приевшуюся декламацию, будем идти старыми путями разгрома и позора, тогда мы не достигнем ничего и не построим ничего. Будет новый провал в какой-то новый Февраль.

Большинство правой эмиграции — это военные. Традиция «аполитичности» обернулась полным политическим и историческим *незнанием*. Знание заменено символами, табу, тотемами, козлами отпущения. Бабой Ягой и Кощеем-Керенским. Вот — говорит же *генерал* А. Спиридович, что А. Керенский спасал офицеров. То же пишет и С. Мельгунов. То же пишу и я. Генерал А. Спиридович знает, как было дело, знает Мельгунов, знаю и я. Мне и С. Мельгунову можно не верить —

почему не верить А. Спиридовичу? Но, вот печатаются безграмотные фальшивки, эти фальшивки попадают к грамотным людям — вот вроде Дж.Кеннана — и получается *совсем нехорошо*.

* * *

Положение народно-монархической мысли есть *объективно* трудное положение. Как, впрочем, и положение всякой мысли в среде, которая мыслить не собирается. Из этой среды наше Движение спасло для России много, очень много людей. Те концепции, которые в данной среде считались само собою разумеющимися, не подлежащим никакому сомнению и никакой критике, начинают *таять*. Принципы народной монархии — волею или неволею — официально признаются людьми, еще так недавно стоявшими на так сказать *национально-кастовой* платформе. Мои статьи о «Фальшивке Февраля» вызвали признание — вынужденное или нет, это другой вопрос — в «России» и даже в «Знамени России». Очень вероятно, что доклад ген. Спиридовича тоже связан с этой серией. В тяжких условиях эмиграции мы расчищаем пути для Новой России, для тех людей, которые хотят работать для Новой России, которые не хотят больше *никаких* Февралей. И поэтому *должны* знать, чем именно обуславливался первый. Первый был вызван — по словам Царя-Искупителя — «изменой, трусостью и обманом». Этой измене и этому предательству нет никакого «оправдания». И даже нет никаких смягчающих вину обстоятельств: предательство в самом обнаженном его виде. Но, говоря о предательстве, мы обязаны знать, кто, как и зачем занимался этой профессией, начиная от казни Царевича Алексея Петровича и кончая Февралем. Если мы не будем *знать*, нас предадут еще и еще и еще...